
V. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИЕ ОТДЕЛЬНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

«И БЫЛ... ГЛАВНЫМ СУДЬЕЮ У ТАЙНЫХ РОЗЫСКНЫХ ДЕЛ»: П. А. ТОЛСТОЙ

Ночь на 7 февраля 1718 года выдалась для санкт-петербургского генерал-губернатора светлейшего князя А. Д. Меншикова бессонной. Отойдя ко сну по обыкновению в девятом часу вечера, уже два часа спустя он был разбужен курьером, прибывшим из Москвы от царя Петра I. Переговорив с государевым посланцем «во особой комнате тайно», светлейший князь Александр Данилович приказал поднять по тревоге старших офицеров и группу солдат дислоцированных в столице гвардейских полков. Местом сбора был назначен дворец генерал-губернатора.

Явившихся к месту сбора вооруженных офицеров и солдат разделили на две группы. Первая группа, возглавленная лично А. Д. Меншиковым, арестовала в собственном доме отставного адмиралтейского советника Александра Кикина. Вторая, во главе с генерал-майором Г. П. Чернышовым и гвардии майором Г. Д. Юсуповым, взяла под стражу Ивана Афанасьева, камердинера царевича Алексея Петровича. Водворив закованных «в железа» арестованных порознь в гвардейские казармы, участники операции провели в Зимнем дворце краткое совещание и в пятом часу утра разъехались по домам и местам службы⁸⁸⁴.

Произведенные в эту ночь аресты явились одними из первых следственных действий по многоэпизодному уголовному делу по обвинению в государственной измене наследника престола царевича Алексея Петровича. Следствие и суд по этому делу явились крупнейшим «политическим» процессом в истории России XVIII века, имевшим невиданный резонанс не только в нашей стране, но и во всей Европе. Ключевую роль в расследовании дела сыграл тайный советник Петр Андреевич Толстой.

Согласно генеалогическим документам, Петр Толстой принадлежал к дворянскому роду, восходившему к некоему «знатному мужу» Гендриху (Генриху, в древнерусском написании — Индросу), выехавшему в 1352 году с двумя сыновьями из Священной Римской империи на службу в Черниговское княжество. В Чернигове Гендрих-Индрос с сыновьями принял православие и стал зваться Леонтием. В XV веке правнук Гендриха переехал из Чернигова в Москву, где получил «прозвание Толстой»⁸⁸⁵.

При всем том, что сведения об основателе рода Толстых представляются глубоко сомнительными (приписывать себе мифических зарубежных прародителей являлось стародавней традицией российских дворян), в XVII веке представители рода заняли прочные, хотя и далеко не первостепенные позиции в рядах московской знати. Уже дед П. А. Толстого Василий Иванович достиг высокого «думного» чина окольничего. Этого же чина удостоился в 1682 году и отец Петра Толстого Андрей Васильевич, успешно проявивший себя как администратор и военачальник.

Хотя датой рождения П. А. Толстого поныне общепринято считать 1645 год, в действительности он появился на свет несколько позднее. Согласно архивному документу, в июне 1718 года Петр Андреевич указал себе 65 лет⁸⁸⁶, что означает, что родился он в 1653 или 1652 году. Первые 40 лет жизни будущего тайного советника в сохранившихся исторических источниках освещаются скудно.

Достоверно известно лишь, что поначалу служба П. А. Толстого проходила при отце (что было вполне распространенной практикой того времени). Совместно с А. В. Толстым Петру Андреевичу довелось в 1665 году принять участие в обороне Чернигова, осажденного войсками мятежного украинского гетмана Ивана Брюховецкого, а впоследствии — в Русско-турецкой войне 1676—1681 годов. Несмотря на то что в 1672 году Петр Толстой был пожалован чином стольника при дворе царицы Натальи Кирилловны⁸⁸⁷, в 1681 году он еще не имел ни государева жалованья, ни собственных поместий.

Насколько возможно понять, в юности Петр Андреевич очень хорошо выучился русской грамоте. Как явствует из многочисленных сохранившихся его автографов, он до последних лет жизни обладал редким для государственного деятеля его статуса великолепно поставленным почерком с неизменно связным и четким написанием букв, что свиде-

тельствоvalo об опыте собственноручного написания значительного объема текстов.

Понине загадочным эпизодом биографии П. А. Толстого (нуждающимся в дальнейшем изучении) явилось его участие в стрелецком восстании в Москве в мае 1682 года. Восстание это было направлено против воцарения царевича Петра Алексеевича (будущего Петра I) и привело к гибели нескольких его родственников и приближенных. По свидетельству едва уцелевшего в те дни будущего сенатора и президента Юстиц-коллегии А. А. Матвеева, Петр Толстой вместе со старшим братом Иваном агитировал стрельцов захватить Кремль, распуская ложные слухи, что законный претендент на престол царевич Иван Алексеевич задушен Нарышкиными (родственниками матери Петра I царицы Натальи Кирилловны).

Как бы то ни было, первое административное назначение Петра Толстого состоялось лишь в 1693 году и было достаточно скромным: он был назначен воеводой в удаленный от Москвы Великий Устюг⁸⁸⁸. Именно там П. А. Толстой получил первую судебно-следственную практику.

Связано это было с тем, что до самых 1720-х годов главы местных администраций в России располагали не только управленческими, но и судебными полномочиями. Известно, что в 1693 году Петр Толстой расследовал имевшее общественный резонанс дело о краже в церкви, в частности, он лично вел допросы под пыткой обвиняемого Москалева⁸⁸⁹.

Два года спустя судебно-административные занятия П. А. Толстого сменились на строевые. В числе других стольников в 1695 году он был призван в армию, попав рядовым в Семеновскую потешную роту. Первоначально военная карьера Петра Андреевича не заладилась. Документально известно, что при переформировании в том же 1695 году потешной роты в Семеновский полк будущий тайный советник остался в числе «нижних чинов»⁸⁹⁰.

Из подробностей военной службы Петра Толстого на сегодня установлено лишь два обстоятельства: в 1696 году он принял участие во втором Азовском походе, а также был произведен сначала в прапорщики, а затем в капитаны Семеновского полка (впоследствии Петр Андреевич был номинально переведен с тем же чином в гвардии Преображенский полк).

Однако впереди гвардии капитана ожидали не поля сражений, а образовательная командировка в Западную Европу.

В январе 1697 года 43-летний П. А. Толстой получил в числе еще тридцати семи дворян государево предписание ехать «в европейские христианские» государства «для науки воинских дел»^{891*}.

За рубежом Петр Толстой пробыл почти два года: с марта 1697-го по январь 1698 года. Более всего времени он провел в итальянских государствах, где обучался морскому делу. Согласно аттестату, выданному правителем Венеции 30 октября 1698 года, русский ученик прошел как теоретический курс навигации («наук теоричных... до науки морской надлежащих»), так и значительную морскую практику («до лутчаго поятия трудностей морских явное труда своего приложил прилежание... был неустрашимый в бурливости морской»)⁸⁹².

Между тем в ходе заграничной поездки Петр Толстой не только освоил начала морского дела (а также в совершенстве овладел итальянским языком), но и составил пространные путевые записки. Завершенное Петром Андреевичем в 1699 году описание своего путешествия явилось одним из выдающихся памятников российской словесности петровского времени.

Вот как, например, П. А. Толстой описал знаменитый венецианский карнавал: «И приходит... множество людей в машкарах, по-словенски в харях, чтоб никто никого не познавал... Так и все время карнавала ходят все в машкарах: мушины и жены, и девицы; и гуляют все невозбранно, кто где хочет. И так всегда в Венецы увеселяются и никогда не хотят быть без увеселения, в которых своих веселостях и грешат много. И... многие девицы берут в машкарах за руки иноземцев и гуляют с ними и забавляются без стыда**. Также в то время по многим местам на площадях бывает музыка и танцуют по италиянски»⁸⁹³.

Как бы то ни было, по возвращении в Россию П. А. Толстой не получил назначения ни в армию, ни на государственную гражданскую службу. По всей вероятности, Петр I, имевший обыкновение лично экзаменовывать дворян, прибывших из зарубежных образовательных поездок, кри-

* Расхожее утверждение, что П. А. Толстой вызвался ехать за рубеж добровольно (дабы завоевать доверие Петра I), никак не подтверждается документально. Характерно, что в подготовленном в 1724 году самим Петром Андреевичем описании своих «служб» отмеченная поездка вообще не упомянута.

** Судя по всему, в данном случае автор откровенно поделился личным опытом общения с венецианками.

тически оценил уровень морских познаний Петра Толстого, а также остался недоволен тем, что тот вовсе не ознакомился с судостроительным делом.

Поворот в карьере П. А. Толстого состоялся лишь спустя три года после возвращения из-за границы. 2 апреля 1702 года он был назначен послом России в Османской империи (нынешней Турции). Предпосылки этого назначения до сих пор неясны. Мало того что в то время Петр Андреевич не имел ни дипломатического, ни значительного административного опыта, он не входил тогда даже в дальнее окружение Петра I. В этой связи заслуживает внимания известие осведомленного французского дипломата, что должность посла Петр Толстой получил благодаря «подарку» в две тысячи золотых, которые он вручил близкому к царю главе Посольского приказа Ф. А. Головину⁸⁹⁴.

Однако каковы бы ни были обстоятельства назначения П. А. Толстого на высокий дипломатический пост, на новом поприще он проявил себя весьма успешно. Петр Андреевич сумел не только утвердить свой статус как первого постоянного посла в Турции и организовать российское дипломатическое представительство в Стамбуле, но и выполнил главную свою миссию — обеспечил благожелательный нейтралитет Турции в наиболее тяжелые для России годы Великой Северной войны⁸⁹⁵.

Именно на берегах Босфора в полной мере проявились такие качества Петра Толстого, как неординарное аналитическое мышление, высочайшая работоспособность, исполнительность, склонность к многоходовым интригам, коммуникабельность, незаурядные способности переговорщика. П. А. Толстой выступил также автором ряда вполне оригинальных сочинений, посвященных стране пребывания. В частности, в феврале 1706 года посол направил в Москву подготовленное им первое в своем роде «Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота»⁸⁹⁶.

Заслуги Петра Андреевича были по достоинству оценены главой государства. Согласно архивным документам, 28 апреля 1707 года «за управление в Цареграде* посольских дел» Петр I пожаловал П. А. Толстому поместья в Дмитровском и Коломенском уездах, а 29 июня 1710 года произвел его (одним из первых в России) в чин тайного советника⁸⁹⁷.

* Так в России в начале XVIII века продолжали на древнерусский манер именовать Стамбул.

Грянувшее в ноябре 1710 года неожиданное объявление Турцией войны России резко изменило положение П. А. Толстого. Весь личный состав российского посольства был заключен в пользовавшийся дурной славой Семибашенный замок — Едикуле (Yedicule Zindanlari), а имущество посольства разграблено. Как позднее свидетельствовал Петр Толстой, «приведши меня в Семибашенную фортецию посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную. И был заключен в той малой избе 17 месяцев, из того числа лежал болен от нестерпимого страдания семь месяцев... К тому же на всякой день угрожали мучением и пытками»⁸⁹⁸.

Однако на этом заключение российского посла не закончилось. Освобожденный из тюрьмы в апреле 1712 года, Петр Толстой вновь оказался в Семибашенном замке 31 октября того же года. На этот раз Петру Андреевичу довелось соседствовать в темнице не только со служащими посольства, но и с близким сподвижником Петра I бароном П. П. Шафировым, прибывшим в Турцию с небольшим штатом сотрудников в качестве чрезвычайного посла после весьма неудачного для России Прутского похода 1711 года.

Новое заключение оказалось ничуть не легче прежнего. Попавший в Едикуле офицер связи при Петре Шафирове ротмистр А. П. Волынский (будущий знаменитый кабинет-министр) сообщал в донесении, что они «в таком злом месте заключены были... что каждой ожидал смерти. Ибо не токмо света, ниже свободного воздуха, но и ветры там никогда не заходят»⁸⁹⁹.

Как бы то ни было, но в апреле 1713 года дипломаты-пленники были наконец освобождены и осенью 1714 года вернулись в Россию. Постоянное российское посольство в Турции было ликвидировано. В письме секретарю царя А. В. Макарову от 21 сентября 1714 года Петр Толстой оценил завершение своей миссии в Стамбуле как избавление от «тьмы адския»⁹⁰⁰.

Успешная дипломатическая деятельность в Турции (равно как и обретенная поддержка со стороны влиятельнейшего Петра Шафирова) способствовала вхождению П. А. Толстого в окружение Петра I. Однако какой-либо новой должности по возвращении с берегов Босфора Петр Андреевич не получил, оставшись в статусе временно прикомандированного к Посольской канцелярии. Ситуацию изменил 1717 год.

Началось с того, что в январе 1716 года царь Петр Алексеевич отправился в длительную поездку по Западной Европе. Задачей царя было как разрешение ряда дипломатических вопросов, так и непосредственное ознакомление с зарубежными государственными институтами (что было необходимо для выработки направлений дальнейшего реформирования государственного механизма России). В небольшую группу сопровождавших Петра I сановников был включен и П. А. Толстой.

Именно в ходе этой заграничной поездки Петру Толстому суждено было получить особо важное высочайшее поручение, успешное исполнение которого окончательно переменяло его судьбу. Поручение это было весьма деликатным и касалось царевича Алексея Петровича.

Сын Петра I от брака с Е. Ф. Лопухиной, в восьмилетнем возрасте разлученный с матерью, царевич Алексей характером и умонастроениями был совсем не похож на отца-реформатора. Выросший в удалении от Петра I царевич ничуть не разделял ни отцовской увлеченности военными и военно-морскими делами, ни его планов по преобразованию России, а потому никак не вписывался в когорту «строителей империи».

Нередко третируемый властным отцом, неоднократно подвергавшийся от него побоям, уже готовый под отцовским давлением отречься от прав на престол, впечатлительный и эмоционально неустойчивый Алексей Петрович решился в конце концов на сколь безрассудный, столь и глубоко ошибочный шаг. Выехав в сентябре 1716 года из Санкт-Петербурга для встречи с Петром I в Копенгагене, царевич изменил маршрут и, прибыв в Вену, обратился к императору Карлу IV с просьбой о предоставлении политического убежища. По решению императора местом тайного пребывания августейшего беглеца был избран замок Эренберг (Ehrenberg) в Тироле⁹⁰¹.

Внезапное исчезновение царевича крайне встревожило Петра I (первоначально он не исключал даже, что передвигавшийся без охраны, в сопровождении всего нескольких слуг Алексей стал жертвой разбойного нападения). Интенсивные поиски царевича начались в декабре 1716 года, и вскоре ситуация прояснилась. После этого стала очевидной необходимость, во-первых, установить точное местонахождение беглеца, во-вторых, убедить его вернуться в Россию, в-третьих, обеспечить его выезд с территории Священной Римской империи. Учитывая, что Алексей Пет-

рович пребывал отныне под защитой императора, обе эти задачи были трудноразрешимы.

Как бы то ни было, с первой задачей успешно справились резидент в Австрии А. П. Веселовский и прикомандированный к нему гвардии капитан А. И. Румянцев. Они сначала установили факт пребывания царевича в замке Эренберг, а затем гвардии капитан сумел проследить за перемещением августейшего невозвращенца в замок Сент-Эльмо (Sant'Elmo) близ Неаполя.

Решение еще более сложных задач по убеждению Алексея Петровича вернуться и по его беспрепятственному вывозу царь возложил на тайного советника Петра Толстого. Помощником к Петру Андреевичу был определен все тот же Александр Румянцев. 1 июля 1717 года дипломат и гвардеец получили от Петра I пространную секретную инструкцию.

Принимая решение, кому именно поручить столь деликатную миссию, царь испытывал серьезные колебания. По заслуживающему доверия свидетельству гвардии подполковника князя Б. И. Куракина, поручение «призвать» царевича на родину было дано первоначально ему. Но затем «через интриги Толстова и Шафирова пременилось, и отправлен Толстой»⁹⁰².

Впрочем, какие бы обстоятельства ни предшествовали данному назначению П. А. Толстого, выбор царя оказался верным. Благодаря как незаурядному интеллекту, так и выдающимся способностям переговорщика, отточенным во время пребывания в Стамбуле, П. А. Толстой выполнил секретное высочайшее задание и склонил Алексея Петровича к возвращению в Россию.

Одним из решающих доводов Петра Андреевича явилось никак не предусмотренное инструкцией заверение, что отец позволит царевичу жениться на его фаворитке Ефросинье Федоровой (к тому времени уже беременной). Столь же успешно Петр Толстой сумел преодолеть сопротивление властей Священной Римской империи, весьма настороженно воспринявших его переговоры с царевичем.

15 декабря 1717 года Петр Толстой (еще находившийся на пути в Москву) был назначен президентом новоучрежденной Коммерц-коллегии (что означало также получение должности сенатора). 64-летний Петр Андреевич вошел в ряды высшего руководства страны.

Возвращение Алексея дало Петру I не только возможность сурово покарать сына-невозвращенца (а заодно обе-

спечить права на престол родившемуся в октябре 1715 года любимому сыну Петру Петровичу). Склонный к подозрительности, царь получил также уникальный шанс прояснить степень политической лояльности любого правительственного и придворного деятеля. Достаточно было лишь выпросить у царевича, кто именно симпатизировал ему, знал, но не сообщил о его намерении бежать за границу.

Первая встреча Петра I с сыном состоялась в Ответной палате московского Кремля 3 февраля 1718 года в присутствии большой группы «всяких чинов людей». В ходе встречи Алексей Петрович публично отрекся от прав на российский престол⁹⁰³. Однако отречением дело не ограничилось.

Находившийся среди приглашенных обер-фискал А. Я. Нестеров так засвидетельствовал финальный эпизод встречи: «И потом его величество изволил еще говорить громко же, чтоб показал самую истинну, кто его высочеству (царевичу) были согласники, чтоб объявил. И на те слова его высочество поползнулся было говорить, но понеже его величество от того сократил, и тем... разговор кончился»⁹⁰⁴.

Разговор о «согласниках», демонстративно прерванный Петром I в Кремле, разумеется, не мог не возобновиться. Не случайно именно 3 февраля 1718 года царь отправил А. Д. Меншикову письмо с предписанием произвести в Санкт-Петербурге описанные выше аресты.

Для наилучшего же установления всего круга потаенных оппозиционеров царь вновь призвал П. А. Толстого (что было вполне логично, учитывая предшествовавшую вовлеченность тайного советника в историю с царевичем). Уже 4 февраля царь предложил Алексею четыре допросных «пункта». Все они были написаны рукой Петра Андреевича Толстого⁹⁰⁵.

Развернувшееся в первые дни февраля расследование продлилось до июня. Проходило оно первоначально в Москве (а точнее, в подмосковной резиденции Петра I селе Преображенском), а с конца марта — в Санкт-Петербурге. В феврале для производства расследования по делу бывшего царевича была учреждена особая следственная канцелярия ведения П. А. Толстого, по организации и полномочиям весьма сходная с уже существовавшими «майорскими» канцеляриями, расследовавшими главным образом дела по должностным преступлениям.

Функционирование следственной канцелярии П. А. Толстого продлилось, впрочем, недолго. Уже в апреле 1718 года

следственная канцелярия была преобразована в Канцелярию тайных розыскных дел (Тайную канцелярию)⁹⁰⁶, возглавленную Петром Толстым и вскоре превратившуюся в специализированный суд по государственным преступлениям. В Тайной канцелярии в помощь П. А. Толстому были определены помощники: гвардии майоры А. И. Ушаков и Г. Г. Скорняков-Писарев (о котором еще пойдет речь на страницах этой книги).

Роль П. А. Толстого в расследовании дела Алексея Петровича была ключевой на всех этапах. Он неустанно допрашивал обвиняемых и свидетелей, проводил очные ставки, докладывал материалы дела Петру I, принимал решения (или испрашивал санкции у царя) о привлечении к делу новых фигурантов и применении пыток, руководил подготовкой особых выписок для передачи дел в суд.

На расследовании столь масштабного и неординарного уголовного дела не мог не сказаться фактор «большой политики». С одной стороны, нельзя не констатировать, что П. А. Толстой и его помощники проделали колоссальный объем следственных действий, установили, вероятно, исчерпывающий круг лиц, так или иначе причастных к делу опального царевича.

С другой стороны, часть уголовных дел, образовавших массив «царевичева розыска», представляются отчетливо сфабрированными, обвинение в них основано исключительно на показаниях, которые давались под пыткой (например, описанное выше дело руководителя одной из «майорских» канцелярий дьяка Ф. Д. Воронова). Да и наиболее важные признания Алексея Петровича были также получены в застенке.

Не вызывает ни малейших сомнений, что П. А. Толстой использовал свою роль главного следователя по делу царевича не только ради установления судебной истины, но и в чисто карьерных целях. Он сумел с большим успехом решить двуединую задачу: и продемонстрировать Петру I грандиозные успехи в искоренении «крамолы», и скомпрометировать неугодных ему лиц в правительственной среде.

В последнем случае Петр Андреевич действовал в тесном союзе с А. Д. Меншиковым, положение которого к 1718 году весьма пошатнулось из-за многочисленных обвинений в должностных преступлениях. Именно дело Алексея Петровича (враждебное отношение которого к светлейшему князю было общеизвестно) позволило Александру

Даниловичу не только восстановить доверие царя, но и при помощи Петра Толстого устранить ряд опасных политических конкурентов.

Как бы то ни было, процесс царевича Алексея Петровича завершился преданием его суду и смертным приговором⁹⁰⁷. Подпись Петра Толстого стоит на приговоре девятой по счету.

Склонение Алексея Петровича к возвращению из Священной Римской империи и руководство следствием по его делу обернулись для П. А. Толстого чередой высочайших милостей. В 1718 году он был пожалован высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного⁹⁰⁸, 13 декабря того же года «за показанную великую службу... в привезении по рождению сына его величества, а по делу злодея и губителя отца и Отечества» произведен в действительные тайные советники и пожалован богатыми поместьями из числа конфискованных по расследованному им делу⁹⁰⁹.

П. А. Толстой оказался на вершине успеха. Несмотря на преклонный возраст он активно работал в Правительствующем сенате, руководил Коммерц-коллегией и Тайной канцелярией, в 1722 году в качестве знатока Востока и главы походной дипломатической канцелярии сопровождал Петра I в Персидском походе.

Последняя государева милость была оказана Петру Андреевичу 7 мая 1724 года, в день коронации Екатерины Алексеевны, на которой он исполнял обязанности обер-маршала церемонии. В тот знаменательный день император Петр Великий собственноручно начертил на полулисте бумаги: «Объявить тайному советнику Толстому надание гравьства и наследником ево линеи»⁹¹⁰. Иными словами, Петр Андреевич был пожалован титулом графа Российской империи.

Последовавшая в январе 1725 года кончина императора Петра Великого хотя и явилась для П. А. Толстого поводом для изрядных переживаний⁹¹¹, однако никак не поколебала его карьерных позиций. Более того: императрица Екатерина I (занявшая престол при активном содействии Петра Андреевича) 10 мая 1725 года назначила его старшего сына И. П. Толстого президентом Юстиц-коллегии⁹¹². 30 августа императрица пожаловала П. А. Толстого в кавалеры ордена Святого Александра Невского⁹¹³. Но все это благополучие оказалось хрупким.

Потрясения ожидали Петра Андреевича весной 1727 года, когда Екатерина I тяжело заболела. Недуг императрицы

со всей остротой поставил вопрос о том, кому наследовать престол. Наиболее вероятными кандидатурами были вроде бы дочери Петра и Екатерины Анна и Елизавета. Оставался, правда, еще полузабытый двором двенадцатилетний великий князь Петр Алексеевич.

В подобной династической комбинации П. А. Толстой выступил, разумеется, сторонником воцарения одной из дочерей Петра I. Однако в этот момент внутривластическая конъюнктура повернулась самым неожиданным образом.

За передачу престола великому князю Петру решительно выступил А. Д. Меншиков, сумевший договориться о его помолвке со своей старшей дочерью Марией. Тем самым сын дворцового конюха оказался в шаге от родства с правящим домом Российской империи. Соответственно противники воцарения великого князя Петра оказались в одночасье злейшими врагами светлейшего князя.

Удар по недоброжелателям великого князя Петра Алексеевича был скор и решителен. 28 апреля 1727 года была сформирована особая следственная комиссия, по итогам трехдневной работы которой группа бывших приближенных Петра I была предана очередному специальному судебному присутствию — Учрежденному суду. Центральными фигурами процесса стали первый генерал-полициймейстер Санкт-Петербурга сенатор граф А. Э. Девиер, П. А. Толстой и его бывший помощник по Тайной канцелярии генерал-майор Г. Г. Скорняков-Писарев. Так Петр Андреевич впервые в жизни оказался в статусе подсудимого, а вскоре и подсудимого.

Расплата была жестокой: 6 мая Учрежденный суд приговорил Антона Девиера и Петра Толстого к смертной казни с конфискацией имущества, лишением чинов, титулов и орденов.

В тот же день (ставший и днем ее кончины) Екатерина I утвердила приговор*. Смертная казнь П. А. Толстому была заменена на ссылку в Соловецкий монастырь. Заодно в итоговом документе в число осужденных был добавлен старший сын Петра Толстого — президент Юстиц-коллегии И. П. Толстой, не привлекавшийся ни к следствию, ни

* По всей очевидности, никакого приговора умиравшая императрица не утверждала, а все итоговые документы суда были подготовлены под диктовку А. Д. Меншикова (писать светлейший князь не умел).

к суду (!), а потому не упомянутый в исходном тексте приговора. Иван Петрович был направлен в ссылку вместе с отцом⁹¹⁴.

Второй раз в жизни Петру Толстому довелось оказаться в тюремных казематах. Ссылные отец и сын Толстые были помещены под круглосуточную охрану в тесные, темные и неотапливавшиеся кельи. Прогулок для осужденных не предусматривалось⁹¹⁵. Это были условия, мало чем отличавшиеся от тех, в которых некогда пребывал Петр Андреевич в стамбульском Едикуле.

Итог столь тяжкого заключения был предсказуем. 7 июня 1728 года скончался заболевший цингой Иван Петрович Толстой. Вскоре настал черед и Петра Андреевича. Как известил Учрежденный суд начальник караула капитан Григорий Воробьев, «в нынешнем 1729 году генваря с первых чисел оной Толстой заболел жестоко... И сего же генваря 30 дня оной Петр Толстой от той болезни умре»⁹¹⁶.

Иван и Петр Толстые были погребены внутри монастырской ограды, близ западной стороны Преображенского собора. В начале XX века их могила еще сохранялась, однако надпись на надгробной плите уже полностью стерлась⁹¹⁷.

В настоящее время могила П. А. и И. П. Толстых утрачена.

**«ОТЕЦ... ЕВО НАУЧИЛ НЕ ПАХАТЬ,
НО АРИХМЕТИКЕ И ГЕОМЕТРИИ»:
Г. Г. СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ**

1734 года ноября 11 дня в городе Якутске в доме поручика Кузьмы Шкадера в собрании гостей завязалось необычайное прение. В разгар застолья главный командир Охотского правления господин Григорий Скорняков-Писарев объявил себя автором геометрии.

В ответ на это глубокомысленное утверждение флота лейтенант Михаил Плаутин, резонно заметив, что «науки геометрии сочинитель Евклид», посоветовал собеседнику, чтобы тот «не возвышался и не сказывал на себя, что прежде ево сделано». Уязвленный напоминанием об античном предшественнике Григорий Григорьевич обозвал лейтенанта «детинишкой и сукиным сыном», веско прибавив, что тот «потерял свой смысл, не зная ничего». Услышав в ответ, что он сам «каналья», вконец разволновавшийся

главный командир схватился за шпагу и с криком «Зарежу!» ринулся на обидчика. Полемистов растащили...⁹¹⁸

Между тем самохвалебное заявление охотского гостя вовсе не было абсурдом. Дело в том, что он в самом деле являлся автором геометрии.

Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева затруднительно отнести к числу хрестоматийно известных государственных деятелей России XVIII века. Между тем его военная и правительственная карьера была сколь успешной, столь и неординарной. Достаточно только сказать, что в чин генерал-майора Григорию Скорнякову-Писареву довелось быть произведенным трижды.

Первый обер-прокурор Российской империи Г. Г. Скорняков-Писарев был выходцем из старинной, но незнатной фамилии каширских дворян, родоначальником которой, как уже говорилось, считался польский шляхтич Семен Писарь, выехавший в 1440-е годы на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу⁹¹⁹.

На протяжении XVII века 16 представителей фамилии сумели выслужить «московские» чины, войдя в число «царедворцев»⁹²⁰. Из рядов низового дворянства сумел выбиться также и отец будущего обер-прокурора Григорий Нефедьевич, достигший чина дворянина московского. Примечательно, что он позаботился дать сыну Григорию весьма необычное для России того времени домашнее образование. Как в 1722 году засвидетельствовал Григорий Григорьевич, «отец... ево научил не пахать, но арихметике и геометрии»⁹²¹.

Заодно отец основательно выучил сына и русской грамоте. Как явствует из многочисленных сохранившихся автографов, Григорий Григорьевич обладал почти каллиграфическим почерком со многими архаическими элементами графики XVII века.

Согласно архивному документу, в июне 1718 года Г. Г. Скорняков-Писарев показал себе 43 года⁹²², то есть родился он или в 1674-м, или в 1675 году. Григорий Григорьевич имел младшего брата Богдана, о котором уже повествовалось на страницах этой книги. Из обстоятельств частной жизни Григория Скорнякова-Писарева достоверно известно, что он был по меньшей мере дважды женат.

Первую его жену звали Екатерина Ивановна, в 1718 году ей было 40 лет. Родопроисхождение Е. И. Скорняковой-

Писаревой установить к настоящему времени не удалось. В этом браке «автор геометрии» имел дочь Анастасию 1708 или 1709 года рождения и сына Ивана, родившегося в 1713 (или 1714) году⁹²³. О второй супруге Григория Скорнякова-Писарева известно лишь, что звали ее Марина Кирилловна⁹²⁴.

Карьеру Григорий Григорьевич начал в стольниках при дворе царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана V Алексеевича, соправителя Петра I Алексеевича в 1682—1696 годах. Затем, подобно многим другим молодым придворным, Григорий Скорняков-Писарев был призван в армию («взят в ученье пехотному салдацкому строю»)⁹²⁵.

Не вполне ясным эпизодом биографии Григория Григорьевича является его образовательная поездка в Западную Европу. Известно, что в 1697 году для сопровождения направленного в итальянские государства князя Ивана Урусова был определен солдат Григорий Скорняков⁹²⁶. Однако традиционная идентификация этого солдата с Г. Г. Скорняковым-Писаревым вызывает изрядные сомнения: судя по всему, в Италию был командирован полуоднофамилец будущего обер-прокурора⁹²⁷. В этой связи неясна и достоверность сведений о последующем обучении Григория Григорьевича в Берлине механике и инженерному делу⁹²⁸.

Тем не менее документально известно, что в 1700 году, получив первый офицерский чин прапорщика, Григорий Скорняков-Писарев был зачислен в знаменитую бомбардирскую роту гвардии Преображенского полка⁹²⁹. В ту самую роту, командиром которой числился сам царь Петр Алексеевич, проходивший в полковых документах как Петр Михайлов.

Служба в привилегированном гвардейском подразделении отнюдь не являлась синекурой. С Преображенским полком Григорий Скорняков-Писарев прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны и Прутского похода и на склоне лет отмечал, что был «в атаках у шведских, польских, голстинских, померанских у десяти городов и на многих баталиях и акциях»⁹³⁰. Характерно, что фронтовая судьба хранила «автора геометрии»: в отличие от многих однополчан за все кампании он не получил ни царапины.

Воевал Г. Г. Скорняков-Писарев, судя по его продвижению в чинах, достойно (без реальных боевых заслуг гвардейцев тогда в чинах не повышали). Уже в 1704 году стал «командующим офицером» бомбардирской роты (то есть

ее фактическим командиром), в 1711-м — «от бомбардир» капитан-поручиком, а в январе 1716 года — гвардии майором⁹³¹. За участие в битве при Лесной будущий обер-прокурор получил серебряную медаль, за Полтаву — обширное имение Экиматово из вотчин подмосковного Троице-Сергиева монастыря.

Примечательно, что в связи с пожалованием этой деревни Г. Г. Скорняков-Писарев попытался заменить не вполне благозвучную часть своей фамилии. В документах 1710-х годов Григорий Григорьевич стал регулярно фигурировать как Экиматов-Писарев (подобное использование названия имения в качестве фамильного прозвища имело тогда широкое распространение среди польской шляхты). Новый вариант фамилии будущего обер-прокурора, однако, не утвердился.

Земельные владения Григория Григорьевича прирастали и позднее. В 1714 году он стал владельцем восьми пожалованных дворов в новозавоеванном Копорском уезде, а в 1717-м — целой кирхи в 197 дворов в Выборгском уезде⁹³².

Однако прочно вошедший в военно-походное окружение Петра I, завоевавший репутацию знатока артиллерийского и инженерного дела Г. Г. Скорняков-Писарев в правительственной среде продолжал оставаться фигурой малозаметной. Ситуация кардинально переменялась в 1718 году.

9 февраля 1718 года гвардии майор Григорий Скорняков-Писарев получил собственноручно написанный царем секретный указ отправиться в Суздаль⁹³³. Боевому офицеру-артиллеристу надлежало установить возможную причастность к делу опального царевича Алексея Петровича его матери — первой супруги государя Евдокии Федоровны. Еще в 1698 году насильно постриженная в монахини под именем Елены бывшая царица содержалась в Покровском девичьем монастыре.

Возложение на Г. Г. Скорнякова-Писарева поручения провести, в современном понимании, доследственную проверку в отношении бывшей царицы было не случайным. К 1718 году Петр I уже неоднократно откомандировывал лично известных ему гвардейцев для исполнения поручений следственного характера — в первую очередь в состав следственных канцелярий.

Как бы то ни было, царь Петр Алексеевич не прогадал с новым поручением своему сослуживцу по бомбардирской роте. Прибыв 10 февраля в Суздаль, не имевший никакой

юридической подготовки*, Григорий Скорняков-Писарев провел в Покровском монастыре серию грамотно организованных обысков и допросов. В итоге менее чем за недельный срок гвардии майор сумел не только получить сведения, изобличавшие Евдокию в оппозиционных настроениях, но и выявить сложившийся вокруг нее кружок единомышленников из числа светских и духовных лиц⁹³⁴.

Заодно в первом же донесении от 10 февраля Григорий Григорьевич крайне встревожил Петра I известием, что Евдокия Федоровна вообще не была пострижена⁹³⁵. Совершившееся в 1711 году бракосочетание царя с плененной в 1702 году бывшей пасторской служанкой Мартой Скавронской (в крещении Екатериной Алексеевной) оказывалось в этом случае незаконным, а родившийся в 1715 году государев любимец царевич Петр Петрович становился внебрачным ребенком. Впрочем, к облегчению государя, в ходе дальнейшего расследования информация о непострижении Евдокии не подтвердилась.

Верно оценив значение добытых Г. Г. Скорняковым-Писаревым сведений, Петр I предписал ему арестовать бывшую царицу и «ея фаворитов» и этапировать их в Москву. Уголовное дело по обвинению Евдокии и ее сообщников («суздальский розыск») стало одним из составных частей многоэпизодного дела по обвинению в государственной измене бывшего наследника престола царевича Алексея Петровича.

Продолжившееся с 16 февраля 1718 года в Москве, точнее в подмосковном селе Преображенском, расследование дела бывшей царицы осуществлялось форсированными темпами. Общее число арестованных по «суздальскому розыску» очень скоро достигло сорока пяти человек (включая 16 лиц духовного звания).

При всем том, что основная часть фигурантов дела, включая саму Евдокию, была повинна лишь в словесной критике Петра I и его нововведений да в ожидании воцарения Алексея Петровича, следствию удалось, вероятно, выйти на след реального заговора против царя-реформатора. Это произошло в ходе выяснения обстоятельств взаимоотношений Евдокии с бывавшим в Суздале неким майором С. Б. Глебовым.

* Элементарное представление о процедурах судопроизводства Григорий Григорьевич мог получить, разве что заседая в полковом военном суде — «критсрехте».

Будучи арестован и допрошен 20 февраля, Степан Глебов незамедлительно дал признательные показания, что якобы состоял с Евдокией Федоровной в интимных отношениях («жил с нею блудно»). На следующий день, 21 февраля, эти показания на очной ставке с ним подтвердила и сама бывшая царица⁹³⁶.

Подобные показания были крайне выгодны Петру I, весьма заинтересованному в компрометации бывшей жены. Лучшего сюжета, чем «блуд» монахини с мирянином, придумать было трудно. Загвоздка в данном случае заключалась в ином.

Дело в том, что при обыске в доме С. Б. Глебова была найдена подборка зашифрованных записей («писма цифирные»). И ключ к шифру столь легко согласившийся дать показания о связи с царицей-монахиней Степан Глебов выдать отказался, причем утвердился в этом отказе в ходе серии допросов под пыткой.

В итоге следствие было вынуждено удовлетвориться показаниями С. Б. Глебова, что зашифрованные записи содержат «выписки из книг» (?) и что он «цыфирь складывал сам и ни с кем не соглашался»⁹³⁷. Что же касается романтических отношений с Евдокией Федоровной, то они, по всей очевидности, явились фантазией следователей, стремившихся в угоду царю (или же по его прямому указанию) скомпрометировать бывшую царицу⁹³⁸.

Между тем отказ выдать ключ к шифру обернулся для С. Б. Глебова не просто смертным приговором. Раздосадованный и встревоженный стойкостью подсудимого, Петр I распорядился подвергнуть его крайне редко применявшейся в России квалифицированной форме смертной казни — посажению на кол.

Казнь Степана Глебова состоялась в Москве в морозный день 15 марта 1718 года. На тот случай, если осужденный изъявит бы желание покаяться в ходе медленного умирания, на эшафот были направлены трое доверенных священнослужителей. Однако, несмотря на то что Степан Глебов промучился на колу почти сутки*, никаких откровений от него не последовало.

Исходя из обстоятельств дела С. Б. Глебова, можно предположить, что он был участником (или даже одним

* Для этого при казни Степана Глебова к колу была прибита горизонтальная рейка, чтобы казнимый под силой тяжести тела не сполз к земле. Кроме того, на казнимого надели шубу и меховые сапоги, чтобы он не замерз, и тем самым продлили его страдания.

из руководителей) заговора против Петра I, возникшего, вероятно, в среде офицеров «полевой» армии (гвардейцы были, несомненно, лояльны к царю). Как бы то ни было, тайну этого заговора, если он и в самом деле имел место, Степан Глебов унес с собой в могилу.

Из числа духовных лиц крупнейшим деятелем, изблеченным Г. Г. Скорняковым-Писаревым, явился ростовский епископ Досифей, лишенный сана 27 февраля 1718 года (далее в судебно-следственных документах он именовался «розстрига Демид»). Как было установлено следствием, Досифей-Демид всячески покровительствовал Евдокии Федоровне, предсказывал возвращение ей статуса царицы, высказывал негативное отношение к Петру I и желал скорейшего воцарения Алексея Петровича⁹³⁹.

Публичным итогом «суздальского розыска» явилось обнаружение 5 марта 1718 года беспрецедентно откровенного по содержащимся «амурным» подробностям «Манифеста о бывшей царице Евдокии», типографски опубликованного тремя (!) тиражами⁹⁴⁰. Очень уж разбирало Петра I стремление «втоптать в грязь» бывшую супругу... Вслед за этим Евдокия Федоровна 20 марта была отправлена в ссылку под строгий надзор в девичий монастырь в Старую Ладугу.

После завершения «суздальского розыска» Г. Г. Скорняков-Писарев вслед за царем выехал в Санкт-Петербург. Здесь гвардии майор продолжил следственную деятельность уже на постоянной основе, будучи назначен государем в руководство только что основанной Тайной канцелярии, главой которой стал главный следователь по делу царевича Алексея Петровича тайный советник П. А. Толстой.

В новом качестве будущий обер-прокурор принял активное участие в продолжении расследования дела царевича и вошел также в состав специального судебного присутствия, которое приговорило Алексея Петровича к смертной казни⁹⁴¹. Уже после вынесения приговора Григорий Скорняков-Писарев 25 июля провел последний допрос царевича⁹⁴², скончавшегося на следующий день от последствий пыток.

Активное участие в расследовании дел Евдокии Федоровны и Алексея Петровича продвинуло карьеру Г. Г. Скорнякова-Писарева никак не менее, чем поля сражений. В декабре 1718 года «за верные труды в бывшем розыске» он получил чин полковника, 200 крестьянских дворов и ка-

менный дом на Васильевском острове Санкт-Петербурга* из числа конфискованных у разных лиц, осужденных по делу царевича Алексея⁹⁴³.

Работая в Тайной канцелярии, Григорий Скорняков-Писарев имел отношение к судебному следствию по многим делам. Так, в 1722 году он вел дело воронежца И. М. Завесина, который в состоянии сильного алкогольного опьянения объявил себя «холопом государя Алексея Петровича». Несмотря на то, что согласно добросовестно собранной Григорием Григорьевичем информации обвиняемый в пьяном виде и ранее допускал, мягко говоря, эксцентричные выходки, он был подвергнут пытке, а затем приговорен Тайной канцелярией к наказанию кнутом⁹⁴⁴.

Однако судебнo-следственнaя деятельность в Тайной канцелярии отнюдь не исчерпывала круга занятий Григория Григорьевича. Еще 3 декабря 1718 года царь возложил на него руководство строительством Ладожского канала. Месяц спустя, в январе 1719 года, Петр I определил его на престижную должность начальника Морской академии⁹⁴⁵, а 8 мая того же года последовало высочайшее поручение руководить также устройством бечевника (дороги для бурлаков) от Ладоги по рекам Волхову и Мсте⁹⁴⁶.

Находил Григорий Григорьевич время и для интеллектуальных трудов. В августе 1720 года он подготовил для слушателей Морской академии «Науку статическую или механику» — первое отечественное пособие по механике. Сочинение гвардии майора Григория Григорьевича представляло собой глубокую сокращенную переработку двухтомного пособия немецкого математика и философа Иоганна Штурма «Молодая математика. Путеводитель для юношества по математике», изданного в Нюрнберге в 1702—1705 годах.

Автографический список «Науки статической...» был поднесен Григорием Скорняковым-Писаревым Петру I в ноябре 1720 года⁹⁴⁷. В феврале 1722 года «Наука статическая...» была типографски опубликована в Санкт-Петербурге⁹⁴⁸. Так что как ни поверни, а Григорий Григорьевич являлся все-таки «автором геометрии».

* Будучи капитально реконструирован Г. Г. Скорняковым-Писаревым, этот дом (несколько перестроенный в XIX веке) сохранился до настоящего времени. Его современный адрес: набережная Лейтенанта Шмидта, 7.

Возглавлял Морскую академию Григорий Григорьевич три года. 18 января 1722 года, вслед за распоряжением о назначении генерал-прокурором Российской империи генерал-майора П. И. Ягужинского, император собственноручно начертал: «В обор-прокуроры Григорья Писарева»⁹⁴⁹. Так 47-летний Г. Г. Скорняков-Писарев стал первым обер-прокурором Правительствующего сената. 22 января он был произведен в генерал-майоры.

Пребывание Г. Г. Скорнякова-Писарева на вершинах петербургской власти, однако, не затянулось. 2 октября обер-прокурор имел неосторожность принести протест на незаконное решение Сената от 26 сентября о выплате излишнего жалованья (в размере 298 рублей 84 копеек) советнику Берг-коллегии М. П. Шафирову⁹⁵⁰. Итогом протеста явился острейший конфликт, разгоревшийся между обер-прокурором и инициатором незаконного решения сенатором и вице-президентом Коллегии иностранных дел бароном П. П. Шафировым — старшим братом советника Михаила Шафирова.

Ареной многочисленных перепалок между Григорием Григорьевичем и бароном Петром Павловичем стали заседания Сената. В последние месяцы 1722 года регулярно повторявшиеся «многоплодные крики» обер-прокурора и барона друг на друга стали затруднять текущую работу сенаторов: и Григорий Скорняков-Писарев, и Петр Шафиров отличались неуравновешенностью и склонностью к агрессии.

Попутно участники конфликта направили серию взаимобличающих посланий к находившемуся в Персидском походе Петру I⁹⁵¹. Возвращение 18 декабря императора в Москву пригасило страсти.

Обратившись к делам после новогодних празднеств, государь пожелал прояснить обстоятельства недавней «междоусобной ссоры» в Сенате. 9 января 1723 года Петр I собственноручно написал указ об отстранении от должностей обоих участников склоки и об учреждении особого Вышнего суда для разбирательства их взаимных обвинений⁹⁵². Процесс над обер-прокурором и сенатором не затянулся⁹⁵³.

13 февраля за нарушение порядка на заседаниях Сената и ненадлежащий надзор за исполнением Сенатом одного из именных указов Вышний суд приговорил Г. Г. Скорнякова-Писарева к разжалованию в рядовые «до выслуги» и конфискации имущества (кроме родового). Петр I утвер-

дил приговор без изменений⁹⁵⁴. Правительственная карьера бомбардира закончилась.

Вновь командированный (на этот раз без предоставления должности) на строительство Ладожского канала, Григорий Скорняков-Писарев недолго пробыл в немилости у императора. Воспользовавшись законным поводом — предстоящей коронацией Екатерины Алексеевны, опальный «автор геометрии» подал челобитную о возвращении чинов и «пожалованных деревень».

Последовавшая 7 мая 1724 года высочайшая резолюция отличалась неординарной пространностью: «Сказать, что он за дерзновение брани в Сенате довольно наказан и в старой чин достоин был бы. Но в канальном деле потачка и недосмотр. Того ради и за оную вину то тому сам себя учинил недостойным. Но для нынешнего торжества и обличенья Шафирова даетца чин полковничей и половина взятых деревень»⁹⁵⁵. Иными словами, восстановлению бывшего обер-прокурора в чине генерал-майора помешали его упущения в деле строительства Ладожского канала.

Положение Григория Григорьевича изменилось к лучшему после кончины Петра I. 21 мая 1725 года по предложению П. А. Толстого и А. Д. Меншикова императрица Екатерина I возвратила Григорию Скорнякову-Писареву вторую половину конфискованного имущества. 28 июля 1726 года императрица определила Г. Г. Скорнякова-Писарева начальником Артиллерийской канторы Военной коллегии, а 24 ноября — вторично произвела в генерал-майоры⁹⁵⁶.

Перед Григорием Григорьевичем замаячила перспектива вернуться в высшие эшелоны власти. Но бывшего обер-прокурора подстерегало новое крушение.

Весной 1727 года, когда стал очевиден скорый уход из жизни тяжело занемогшей Екатерины I, крайнюю остроту приобрел вопрос о престолонаследии. Дилемма была несложной: или к власти приходит великий князь Петр Алексеевич или одна из дочерей Петра I от брака с Екатериной Алексеевной. В этих условиях у Григория Григорьевича, непосредственно причастного к мученической гибели царевича Алексея, не было выбора: он примкнул к исподволь формировавшейся «партии» противников воцарения великого князя Петра.

Расплата оказалась скорой и весьма суровой. Григорий Скорняков-Писарев 27 апреля был арестован, обвинен (за-

одно со своим бывшим начальником по Тайной канцелярии П. А. Толстым) в участии в мифическом заговоре⁹⁵⁷ и снова оказался в статусе подсудимого.

6 мая Учрежденный суд приговорил Г. Г. Скорнякова-Писарева к ссылке и некоему «наказанию». Дополнительно ему назначалась конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов.

Вопреки многовековой традиции наказание, назначенное Григорию Григорьевичу, при утверждении оказалось ужесточено: его предписывалось отослать в ссылку, «быв кнутом»⁹⁵⁸.

Отправленный за полярный круг, в отдаленнейшее Жиганское зимовье*, расположенное на берегу реки Лены, примерно в 700 верстах от Якутска, Григорий Скорняков-Писарев едва не погиб от лишений. В довершение всего его стал притеснять местный комиссар Иван Шемаев. Нимало не интересуясь былым положением и заслугами ссыльного, комиссар для начала ограбил его, затем приказал избить, а потом и вовсе пригрозил утопить⁹⁵⁹.

Положение Г. Г. Скорнякова-Писарева изменилось, когда о нем вспомнили в Санкт-Петербурге и в мае 1731 года (по предложению бывшего генерал-прокурора Павла Ягужинского) назначили на должность главного командира Охотского правления. Бесправный обитатель Жиганска в одночасье превратился в единоличного управителя гигантской территории, включавшей побережья нынешних Охотского и Берингова морей, Анадырский край, Камчатский полуостров. По существу под властью формально оставшегося в статусе ссыльного Григория Григорьевича оказалась вся северо-восточная оконечность Европейско-Азиатского континента.

Впереди у Г. Г. Скорнякова-Писарева были успешные реконструкция города Охотска и обустройство Охотско-Якутского тракта, склоки с руководством Второй камчатской экспедиции (в том числе лично с Витусом Берингом), кратковременное возвращение в Жиганское зимовье, арест в 1740 году по обвинению в упущениях по управлению краем⁹⁶⁰. Впереди были дворцовый переворот 1741 года, долгожданная реабилитация, возвращение в Санкт-Петербург, третье производство в чин генерал-майора.

* Ныне село Жиганск, административный центр одноименного района (улуса) Республики Саха (Якутии).

И был указ императрицы Елизаветы Петровны от 23 апреля 1743 года, повелевавший Григорию Скорнякову-Писареву «жить в доме своем, и к делам никуда его не определять»⁹⁶¹.

Время кончины и место погребения Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева доподлинно неизвестны. Исходя из того, что в документе, составленном в марте 1752 года, тогдашняя супруга Григория Григорьевича Марина Кирилловна еще не наименована вдовой⁹⁶², можно заключить, что «автор геометрии» благополучно пережил середину столь бурного для него XVIII столетия.

«И В ТО ВРЕМЯ ГОСУДАРЬ МЕНЯ ВЕЛИТ СУДИТЬ И РОЗСТРЕЛЯТЬ...»: В. И. ГЕННИН

В январе 1713 года Санкт-Петербургская типография выпустила в свет книгу с длинным и звучным названием: «Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификацей и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества свейского». Набранная непривычным еще для русского читателя «новоманерным» гражданским шрифтом, она явила собой богато иллюстрированное гравюрами собрание официальных реляций о событиях на российско-шведском фронте Великой Северной войны за 1702—1712 годы.

Между иного в книге повествовалось и о взятии в 1710 году шведской крепости Кексгольм. В конце не особенно пространной реляции в двух строках было упомянуто о том, что для переговоров о капитуляции в крепость был отправлен «артиллерной маеор Геник да с ним капитан Киселев. Тоя ж ночи маеор Геник из города возвратился назад»⁹⁶³. О том, как именно проходили переговоры «маеора Геника» с комендантом крепости, никаких подробностей не приводилось. Как бы то ни было, «Книга Марсова» навсегда запечатлела «артиллерного маеора Геника» в анналах отечественной военной истории.

В приведенные строки «Книги Марсовой» вкралась лишь одна неточность. Дело в том, что в действительности «маеора Геника» звали иначе. В российских документах XVIII века он фигурировал еще и как «Геннинг», и как «Генинг», и как «Генин», и как «Генн», и как «Ген», и как «Генан», и как «Хеник», и как «Хенинг». Сам же обладатель

этих разнообразных фамилий подписывался по-русски «Вилим Геннин» либо «В. Геннин». Впрочем, при рождении «маеор Геник» был наречен совсем другим именем.

Ставший известным в нашей стране как Вилим Иванович, Георг Вильгельм Геннин (Georg Wilhelm Henning) родился 11 октября 1676 года в старинном городе Зигене (Siegen), тогдашней столице германского графства Нассау. Будущий «артиллерной маеор Геник» происходил из незнатной семьи, ряд представителей которой были, однако, известны в XVII веке как деятели просвещения и проповедники в Голландии и западных германских герцогствах и графствах.

Дед В. И. Геннина, Конрад Геннин, был священником в Зигене, а затем придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в городе Ганау, столице одноименного графства. Отец, Иоганн Геннин (Johannes Henning), обучался философии в Академии Ганау, некоторое время работал писарем в казначействе, а потом служил младшим офицером в артиллерии⁹⁶⁴. Дядя, Генрих Геннин (Heinrich, Christian Henning), в 1679 году окончил университет в Утрехте со степенью доктора медицины, впоследствии состоял ректором гимназии в голландском городе Тиле, а в 1690 году стал профессором философии в университете города Дуйсбурга.

В свете приведенных данных этническое происхождение Вилима Геннина в точности установить не представляется возможным. С равной вероятностью он мог быть и немцем, и голландцем. Датский посланник в России командор Юст Юль, лично соприкасавшийся с Вилимом Ивановичем в сентябре 1710 года, воспринял его как немца⁹⁶⁵. Немцем посчитал В. И. Геннина и не раз уже упомянутый на страницах этой книги голштинский камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц, общавшийся с ним в декабре 1721 года⁹⁶⁶. Однако этот факт указывает лишь на то, что Вилим Геннин в совершенстве владел немецким языком. Что же касается вероисповедания, то Вилим Иванович до конца жизни являлся протестантом реформатского направления⁹⁶⁷, иными словами, кальвинистом.

Выявленные на сегодняшний день сведения о раннем периоде жизни Вилима Геннина весьма фрагментарны. Известно, что в юности он работал формовщиком⁹⁶⁸, то есть рабочим, изготавливающим формы для заливки в

них расплавленного металла. Выбор Георгом Вильгельмом подобной специальности был вполне понятен: его родной город Зиген являлся в XVII веке одним из крупнейших центров горнорудной промышленности Западной Европы.

Судя по всему, перспективы дальнейшей карьеры в графстве Нассау не особенно вдохновили Георга Геннина. В письме генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину в 1716 году В. И. Геннин упомянул между иного, что покинул родительский дом «скуден»⁹⁶⁹ (то есть бедняком). В итоге в 1698 году в Амстердаме во время пребывания там «великого посольства из Московии» во главе с царем Петром I он вступил в русскую службу. Характерно, что прошение об этом Георг Вильгельм написал по-голландски⁹⁷⁰. В прошении он указал, что «несколько лет обучался и... основательно разумеет архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких потешных огнестрелных вещей... преизрядно на бумаге вырезывать»⁹⁷¹.

Однако каких-либо данных о том, где именно «несколько лет обучался» Георг Геннин, кто наставлял его по «архитектуре гражданской» и по части изготовления «потешных огнестрелных вещей», выявить пока не удалось. Судя по всему, в отличие от старших родственников он не сумел получить ни академического, ни университетского образования.

По сведениям Г.-А. Гельбига, секретаря саксонского посольства в 1787—1795 годах, собранного множество сведений о российских государственных и придворных деятелях XVIII века, при приеме на службу Георг Геннин был проэкзаменован самим Петром I и его тогдашним ближайшим соратником генерал-адмиралом Францем Лефортом⁹⁷². Состоялся ли в действительности подобный экзамен (или вообще какая-то личная беседа Георга Вильгельма с русским царем), сказать ныне затруднительно. Зато в точности известно, что 10 мая 1698 года будущий «артиллерной маеор Геник» был зачислен в Оружейную палату с окладом 72 рубля в год⁹⁷³. В том же мае Георг Геннин получил из казны «великого посольства» 36 золотых ефимков для проезда в Россию (в зачет жалованья)⁹⁷⁴.

Обстоятельства раннего этапа карьеры В. И. Геннина в России остались поныне столь же туманными, как и события первых двадцати двух лет его жизни. Известно, впрочем, что поначалу Вилим Иванович обосновался в Немецкой слободе в Москве⁹⁷⁵ — небольшом поселке, рас-

положенном на берегу реки Яузы, в получасе ходьбы от Земляного вала, специально отведенном в 1652 году для проживания иностранцев-иноверцев. Вилиму Геннину Немецкая слобода более чем подходила, в частности в религиозном отношении: в ней издавна функционировала реформатская церковь, для которой в 1694 году было выстроено новое кирпичное здание (на 200 сидячих мест)⁹⁷⁶.

Наиболее подробным источником биографии Вилима Ивановича в конце XVII — начале XVIII века является автобиографическая записка, собственноручно начертанная им в 1743 году и извлеченная первым его биографом капитан-лейтенантом В. Н. Берхом в 1820-е годы из семейного архива Генниных⁹⁷⁷. Как явствует из записки, российскую службу Вилим Геннин начал в 1698 году в чине фейерверкера (сержанта артиллерии) с окладом 72 рубля в год. В той же записке указано, что в 1700 году он был произведен в поручики, в 1702-м — в капитаны, в 1706-м — в майоры, а в 1710 году — в подполковники⁹⁷⁸.

Автобиографическая записка эта между тем весьма загадочна. Дело в том, что, по другим документам, в первые годы пребывания в России В. И. Геннин не имел никакого отношения ни к военной службе в целом, ни к артиллерийскому ведомству в частности.

Согласно опубликованной еще в конце XIX века окладной росписи канцелярских служащих и мастеров Оружейной палаты за 1701 год, в ней тогда по-прежнему числился «архитектурного дела иноземец Георг Вилим ди Генан», не имевший никакого воинского звания, но притом получавший жалованье в размере изначально установленных ему 72 рублей в год⁹⁷⁹. Отчего В. И. Геннин решил на склоне лет изложить иначе обстоятельства начала своей службы царю Петру Алексеевичу, понять не представилось возможным, особенно учитывая чисто личный, неофициальный характер автобиографической записки.

Впрочем, 1701 год оказался все же последним, который Вилим Иванович провел в статусе гражданского специалиста. В «Списке иноземцом, которые ныне ведомы службою и дачею жалованья в Приказе артил[л]ерии», составленном предположительно в 1702 году, в числе офицеров — в чине поручика — оказался упомянут «Георгий Вилгелим Генинг». Против имени которого в списке было отмечено, что он «принят в артил[л]ерию в 1701 году», что жалованье ему установлено в размере 156 рублей в год и что находится он в Новгороде⁹⁸⁰.

Обстоятельства поступления Вилима Ивановича на военную службу поныне неясны. Возможно лишь предположить, что решение избрать воинскую стезю принимал он сам: служителей Оружейной палаты на фронты Великой Северной войны не отправляли. Подобное решение «Георга Вилима ди Генана» представляется вполне объяснимым: мастер Оружейной палаты имел несравненно более скромные карьерные перспективы, нежели офицер действующей армии.

Честолюбивых же устремлений у 25-летнего Вилима Геннина, несомненно, хватало. Полтора десятилетия спустя в письме генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину он упоминает о мотивах, приведших его на военную службу: «...Однако ж всякой человек ищет себе чести и повышения чина. За что мы на свете служим»⁹⁸¹.

А вот кто именно оказал содействие Вилиму Ивановичу в далеко не простом в 1701 году переходе в артиллерийское ведомство, остается только гадать. Тем более что произошел этот переход с существенным отступлением от бюрократических канонов. Дело в том, что в упомянутом «Списке иноземцом...» рядом с именем «Георгия Вилгелима Геннинга» читается еще одна запись: «А которые земли, и в котором году выехал, того неведомо»⁹⁸².

Запись эта означала, что при зачислении в ведение Приказа артиллерии В. И. Геннин избежал общеобязательной для иностранца процедуры опроса о происхождении, социальном статусе, прежней службе. Между тем Вилим Геннин не просто сменил ведомство, он был еще и сразу аттестован на офицерский чин, причем второй ступени (первую тогда занимал чин прапорщика). Выходит, к 1701 году Вилим Иванович обзавелся неким неформальным покровителем («патроном», по терминологии того времени). И был этот таинственный покровитель Вилима Ивановича, несомненно, лицом изрядно влиятельным.

Может, на мастера Оружейной палаты обратил благосклонное внимание генерал-майор Я. В. Брюс, ставший вскоре «управителем над всею артиллериею»⁹⁸³, а в 1701—1703 годах состоявший в должности воеводы прифронтового тогда Новгорода? Может, не случайно именно в этом городе в 1702 году оказался на службе поручик Вилим Геннин? Тем более что между Яковом Вилимовичем и Вилимом Ивановичем отсутствовал языковой барьер: будучи обрусевшим шотландцем, Яков Брюс владел не только английским, но и немецким и голландским языками⁹⁸⁴ (хотя и

неясно, насколько свободно). Увы, ответить на все эти вопросы вряд ли когда-нибудь удастся.

Далее, однако, в биографии В. И. Геннина возникает следующая загадка. На сегодняшний день так и осталось непоясненным, за какие заслуги Вилим Иванович сумел за восемь лет добиться производства в подполковники. Загадку эту образовали два обстоятельства.

Во-первых, в опубликованном в середине 2000-х годов трехтомнике служебной переписки Я. В. Брюса за 1704—1707 годы Вилим Иванович оказался упомянут всего лишь трижды: в июне 1706 года в связи с тем, что его обокрали собственные денщики⁹⁸⁵, а затем в августе и ноябре 1707 года в связи с отменой высылки «х капитану Генину» дополнительной группы артиллерийских мастеров и в связи с откомандированием из его команды кузнеца Филиппа Григорьева⁹⁸⁶. Из контекста писем 1707 года очевидно, что в это время В. И. Геннин руководил (причем вовсе не в звании майора) работами по ремонту материальной части артиллерии в Шлиссельбургской крепости.

Во-вторых, скрупулезно перечислив в автобиографической записке награды и сверхокладные денежные выплаты, полученные за 45 лет службы в России, Вилим Иванович не указал ни единого соответствующего пожалования до 1710 года. Вместе с тем успешная офицерская карьера вчерашнего мастера Оружейной палаты, пусть и иностранца, не могла не иметь в годы Великой Северной войны весомых оснований. Увы, в каких именно кампаниях 1700-х годов принял участие Вилим Иванович и какие именно он выполнял в то время поручения по артиллерийскому ведомству (кроме починки пушек в Шлиссельбурге), установить к настоящему времени не удалось.

Первые выявленные подробности боевой службы Вилима Геннина относятся к 1710 году и связаны с его участием во взятии Выборга, наиболее мощной крепости в шведской Финляндии, имевшей стратегическое значение для северо-западного театра военных действий. Осада крепости, блокированной с суши, а затем и с моря, продлилась более трех месяцев⁹⁸⁷. Примечательно, что к моменту начала осады в крепости оказались сразу два коменданта: назначенный в феврале 1710 года полковник Магнус Шернстрале (Magnus Stiernstråhle) и прежний — 79-летний (!) полковник Захариас Аминоф (Zacharias Aminoff)⁹⁸⁸, потомок псковского дворянина Ф. Г. Аминова, принявшего в начале XVII века шведское подданство⁹⁸⁹.

Первоначально осадная группировка под командованием генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина столкнулась с немалыми трудностями. С одной стороны, совершенно недостаточной оказалась огневая мощь подвезенных к крепости по льду Финского залива десяти пушек и трех мортир (к тому же одна из пушек вышла из строя из-за интенсивной стрельбы, а другая была разбита прямым попаданием шведского ядра⁹⁹⁰). С другой — обстрелы крепостной артиллерии (насчитывавшей 143 пушки и восемь мортир) чрезвычайно затрудняли осадные фортификационные работы и с каждым днем увеличивали число раненых⁹⁹¹. Наконец, осаждающие стали очень скоро испытывать недостаток провианта.

Ситуация обострилась до такой степени, что состоявшие под началом Федора Апраксина генерал-майоры Р. В. Брюс* и Вильгельм Берхгольц** 5 апреля обратились к нему с письменным предложением о немедленном штурме крепости, подчеркнув, что в случае затягивания осады «могут больше людей от ран и болезни помереть, нежели на штурме пропасть»⁹⁹². Это предложение, незамедлительно переправленное командующим Петру I, не было им поддержано. Детально мотивированные сомнения в успехе штурма царь высказал в письме Ф. М. Апраксину от 7 апреля⁹⁹³.

Вместе с тем, будучи сторонником активных боевых действий, глава государства отметил, что право принять окончательное решение он оставляет за командующим группировкой («даем на ваше разсуждение»). Вслед за этим, однако, Петр I предупредил графа Апраксина, что если штурм окончится неудачей, «то должны будете ответ дать»⁹⁹⁴. Откровенно напуганный высочайшим предостережением, Ф. М. Апраксин тут же отказался от идеи штурма, открестившись заодно — в ответном письме от 10 апреля — от недавней инициативы подчиненных: «А что предлагали господа генералы-маеоры, тово мне вашему величеству было не донести невозможно»⁹⁹⁵.

Перелом в ходе осады произошел в начале мая. Тогда, несмотря на тяжелую ледовую обстановку в Финском заливе, под непосредственным руководством Петра I была успешно проведена одна из крупнейших за Великую Се-

* Обер-комендант Санкт-Петербурга, старший брат начальника артиллерии российской армии Я. В. Брюса (находившегося в то время при осаде Риги).

** Отец неоднократно упоминавшегося камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца (проведшего первые семь лет жизни в России).

верную войну морских военно-транспортных операций. В ходе этой операции к Выборгу из Санкт-Петербурга на галерах, бригантинах и шнявах были доставлены личный состав гвардейских полков, артиллерия, а также значительные запасы боеприпасов и продовольствия.

Как было констатировано в связи с этим в походном журнале царя (прибывшего под Выборг 8 мая на шняве «Мункер»), «ежели бы с тем транспортом господин контра-адмирал [Петр I] к Выборху не ускорил, то бы принуждены были салдаты есть не только что живых (которых было уже гораздо мало), но и мертвых лошадей, и потом с[о] стыдом от города отступить»⁹⁹⁶. Наряду с этим в походном журнале оказалась зафиксирована колоритная деталь из тогдашнего стиля ведения боевых действий (отразившая заодно плачевное состояние организации войсковой разведки в шведском гарнизоне). В записи от 9 мая было отмечено, что часовые на валах крепости, наблюдая пришедшую транспортную эскадру, стали интересоваться у российских часовых передовой линии, «чтобы сказали про те суды: что их ли швецкия или ро[с]сийския? На что наши часовые ответствовали им, что те суды наши...»⁹⁹⁷.

Подвезенные морем 80 пушек и 19 крупнокалиберных мортир⁹⁹⁸ решили судьбу крепости. До штурма дело не дошло (хотя решение о его проведении было принято на военном совете 6 июня, а на следующий день началось сосредоточение штурмовых колонн в траншеях первой линии⁹⁹⁹). 13 июня гарнизон капитулировал, не выдержав длившегося восемь дней массированного артиллерийского обстрела, который вызвал как значительные разрушения и пожары в жилой части города, так и частичное обрушение одного из сегментов крепостной стены¹⁰⁰⁰.

В русском плену оказалось 3880 шведских солдат и офицеров, включая обоих комендантов¹⁰⁰¹. За время осады гарнизон потерял около 650 человек убитыми и умершими от ран и болезней¹⁰⁰². Потери, понесенные под Выборгом российскими войсками, до настоящего времени не опубликованы.

Вступив в город утром 14 июня во главе Преображенского полка, Петр I в тот же день отправил собственноручное послание невенчанной супруге Екатерине Алексеевне, в котором аллегорически подчеркнул стратегическое значение взятия Выборга: «Крепкая подушка Санкт-Питербурху устроена»¹⁰⁰³. Комендантом новозавоеванной крепости царь назначил отличившегося в ходе осады бригадира

Г. П. Чернышева (будущего подследственного канцелярии М. Я. Волкова).

Роль Вилима Геннина при взятии Выборга в полной мере не ясна. Неизвестно даже, находился ли он там с начала осады или же прибыл в мае 1710 года на одном из судов транспортной эскадры. Единственное достоверное свидетельство о тогдашней боевой службе Вилима Ивановича оказалось зафиксировано на плане-схеме взятия Выборга, помещенном в «Книге Марсовой». На этом плане-схеме в западном сегменте осадных сооружений под буквой «Х» отмечены «кетели* и батареи маёра Геннина»¹⁰⁰⁴. Из этого следует, что Вилим Иванович командовал одним из артиллерийских подразделений, имевших смешанное пушечно-мортирное вооружение.

Наряду с этим В. И. Геннин являлся, по-видимому, одним из руководителей осадных фортификационных работ, важнейшей частью которых было оборудование артиллерийских позиций (с уверенностью можно предположить, что Вилим Иванович по крайней мере обустраивал позиции для тех батарей, которыми командовал). Работы эти велись круглосуточно, на каменистом грунте, в условиях постоянных обстрелов со стороны крепости (чему дополнительно способствовали установившиеся в мае белые ночи).

Вполне вероятно, что в бытность под Выборгом майор В. И. Геннин, случалось, рисковал жизнью, что рядом с ним, взметывая землю и каменное крошево, падали шведские ядра, что на него оседала гарь от близких разрывов бомб, а когда, стоя на бруствере, он корректировал огонь вверенных ему батарей, над его головой свистели пули. В точности об этом уже никогда не узнать. Как и не узнать, какие эмоции обуревали бывшего формовщика и «архитектурного дела» мастера, когда он наблюдал зарево пожаров в обстреливаемом его орудиями городе. За участие в осаде Вилим Геннин получил первое награждение — 100 рублей¹⁰⁰⁵ (выплата которых, правда, затянулась¹⁰⁰⁶).

Впрочем, как бы ни были важны детали служебно-боевой деятельности Вилима Ивановича для его жизнеописания, в данном случае существенным представляется иное

* Так в начале XVIII века именовались-mortирные батареи. Термин явился искаженной калькой от немецкого *kessel* — котел. Его использование было связано с тем, что на боевой позиции-mortиры устанавливались на деревянные платформы в углубленные в грунте площадки.

обстоятельство. Взятие Выборга вплелось одним из ключевых звеньев в череду успешных осад кампании 1710 года на российско-шведском фронте Великой Северной войны. Последовавшие одна за другой капитуляции Риги (4 июля), Пернова* (14 августа), Выборга и Ревеля (29 сентября) привели к необратимому падению шведского владычества в Лифляндии, Эстляндии и основной части Ингерманландии. И в этом значимом для истории Северной Европы событии навсегда останется толика ратных трудов майора артиллерии В. И. Геннина.

После капитуляции Вилим Геннин, скорее всего, остался в Выборге для организации работ теперь уже по восстановлению крепостных сооружений. Согласно донесению коменданта Григория Чернышева, по состоянию на 6 июля 1710 года на восстановлении крепостных объектов трудились 40 солдат, 1950 мобилизованных работных людей и 200 каторжников¹⁰⁰⁷.

Необходимость привести крепость в боевое состояние была очевидной: в Финляндии по-прежнему дислоцировалась внушительная группировка шведских войск под командованием генерал-майора барона Г. Либекера (Georg Lybecker), и вероятность того, что шведы попробуют отбить город, была велика. Такая попытка и в самом деле последовала осенью 1710 года. По краткому, но исполненно-му скрытого драматизма свидетельству Г. П. Чернышева, ему пришлось находиться «в блокаде от неприятеля в том 1710 году октября с 1-го декабря по 4-е число, и неприятельская армия отступила декабря 10-го числа... А в то время осталось было на гарнизон провианту на 3 дни»¹⁰⁰⁸.

Впрочем, даже если Вилим Геннин и оставался на какое-то время в Выборге, тягот осенней блокады испытать ему не довелось. Дело в том, что уже очень скоро он отправился на осаду другой крепости — Кексгольма, как с 1611 года после установления в этих краях шведского господства стал именоваться старинный русский город Корела.

Расположенный на двух островах в устье реки Вуоксы у западного берега Ладожского озера Кексгольм располагал к 1710 году гарнизоном в 562 штыка при 45 пушках (шесть из которых являлись трофейными, отлитыми в России еще в XVI веке) и четырех мортирах. В военно-инженерном отношении крепость была оборудована не лучшим образом,

* Ныне Пярну (*эст.* Pärnu), административный центр уезда Пярнумаа Эстонской Республики.

в частности, ее стены и валы были не способны выдержать обстрел из тяжелых орудий¹⁰⁰⁹.

Ранее, с 1708 года, комендантом Кексгольма являлся тот самый полковник Магнус Шернстрале, который в феврале 1710 года был переведен комендантом в Выборг. На его место в марте прибыл сорокалетний полковник Йохан Шерншанц (Johan Stiernschantz), уроженец города Ниеншанца (Nyenskans)*, поступивший на военную службу добровольцем в 1695 году, а с 1700 года проходивший службу в воинских частях, дислоцированных в Лифляндии и Ингерманландии¹⁰¹⁰.

Руководство операцией по взятию Кексгольма Петр I возложил на генерал-майора Р. В. Брюса, получившего это высочайшее указание 24 июня 1710 года¹⁰¹¹. Осадную группировку образовали два пехотных, три кавалерийских полка и две гренадерские роты, направленные к Кексгольму из-под Выборга. Общая численность группировки, двинувшейся под командованием Романа Брюса к шведской крепости, составила свыше 4400 солдат и офицеров.

Поскольку протока Вуоксы, омывавшая Кексгольм с юга, была совсем узкой, из-под Выборга были также переброшены инженерные средства для наведения понтонных мостов. Первые разезды российских драгун появились вблизи крепости 5 июля. Вскоре, 8 июля, к стенам крепости прибыла основная часть осадной группировки. Она была усилена речной транспортной флотилией под командованием капитан-поручика флота Х. Гаука. Суда флотилии по Ладожскому озеру доставляли осаждающим продовольствие, а также артиллерию и боеприпасы из Шлиссельбурга и Новой Ладogi. Швартовались суда в устье Вуоксы, где и производилась их разгрузка¹⁰¹².

10 июля началось возведение осадных сооружений на южном берегу Вуоксы. Несмотря на интенсивный огонь крепостной артиллерии, работы (ведшиеся, как и при осаде Выборга, круглосуточно) были завершены к 15 июля. На следующий день на Кексгольм обрушились первые русские ядра и бомбы.

11 августа одна из русских бомб попала в арсенал цитадели, вызвав подрыв двух бочек с порохом и более тысячи патронов. 17 августа при обходе крепостного вала комен-

* Как уже отмечалось, Ниеншанц (взятый российскими войсками в мае 1703 года) располагался в устье реки Охты, в восточной части современного Санкт-Петербурга.

дант Йохан Шерншанц получил пулевое ранение в ногу. Несмотря на рану, он продолжал руководить обороной крепости и даже лично корректировал артиллерийский огонь по русским позициям¹⁰¹³.

Однако чем дальше, тем более очевидной становилась безнадежность положения осажденных. Так и не дождавшись каких-либо действий шведского командования по деблокированию Кексгольма, Й. Шерншанц 2 сентября направил в русский лагерь парламентаря с письмом, в котором объявил, что «имеет склонность» капитулировать. Поскольку крепость сдавалась «на аккорд», то есть добровольно и до начала штурма, комендант имел основания настаивать на почетных условиях капитуляции.

В данном случае Йохан Шерншанц выдвинул условием свободный выход гарнизона с холодным и огнестрельным оружием, боеприпасами (по 24 патрона на солдата), развернутыми знаменами и оркестром («полковой музыкой»). Свободный выход должен был быть гарантирован также всем жителям города, не пожелавшим принимать российское подданство. В свою очередь, комендант обязывался передать российской стороне в целости всю артиллерию, боеприпасы и иное войсковое имущество, находящееся в крепости, а также раскрыть схему минирования крепостных объектов¹⁰¹⁴.

Оперативно согласовав вопрос с царем (находившимся тогда в Санкт-Петербурге), командующий Роман Брюс согласился на все условия шведского коменданта за исключением выноса из крепости знамен и «музыки»¹⁰¹⁵. Для выработки окончательного варианта соглашения о капитуляции («аккордных пунктов») вечером 7 сентября в крепость и были направлены «артиллерной маеор Геник да с ним капитан Киселев».

Как уже отмечалось, детали переговоров В. И. Геннина с полковником Йоханом Шерншанцем остались неизвестными¹⁰¹⁶. Несомненным представляется лишь то обстоятельство, что велись переговоры на немецком языке, без переводчиков (в шведской армии немецкий язык являлся в то время вторым командным). Как бы то ни было, соглашение о капитуляции на российских условиях было достигнуто, и в ночь на 8 сентября В. И. Геннин вернулся в расположение своей части.

Утром 8 сентября Й. Шерншанц и Р. В. Брюс поставили свои подписи на списках соглашения на немецком и русском языках¹⁰¹⁷, и после полудня в крепость вступил первый

российский батальон. Как было сформулировано по поводу сдачи Кексгольма в уже упоминавшейся официальной «Истории Свейской войны», «и тако сия праотечественная крепость взята без великаго урону людей»¹⁰¹⁸. Помимо крепостных пушек и мортир трофеями русских войск стали 150 пудов пороха, большие запасы военного снаряжения и два боевых знамени «с королевскими именами золотыми под коронами»¹⁰¹⁹.

Во исполнение «аккордных пунктов» солдаты и офицеры гарнизона были погружены на два российских судна, снабжены провиантом на восемь суток и отправлены под конвоем по Ладожскому озеру в направлении еще остававшегося под шведским владением города Кроноборг¹⁰²⁰ (Сronobårg)*. Вместе с гарнизоном Кексгольм покинул и комендант Й. Шерншанц, ставший в следующем году командиром Саволакского ленного полка¹⁰²¹. Линии судеб Йохана Шерншанца и В. И. Геннина еще косвенно соприкоснутся. Но произойдет это уже 18 лет спустя.

Что же касается обстоятельств участия майора Вилима Геннина в осаде Кексгольма, то они остались непроясненными, как и при взятии Выборга. Вместе с тем возможно предположить, что под стенами бывшей Корелы он выступил на более ответственных ролях (возможно, в качестве начальника артиллерии осадной группировки). Показателем этого явился тот факт, что именно его Р. В. Брюс направил к Петру I с почетной миссией — доложить о капитуляции Кексгольма¹⁰²².

Известно также, что В. И. Геннин изготовил план-схему крепости и осадных сооружений¹⁰²³, который лично передал царю. Согласно упоминавшейся автобиографической записке, в награду Вилим Иванович получил золотую медаль с алмазами¹⁰²⁴, а в новозавоеванном Кексгольмском уезде ему была пожалована деревня Азила, состоявшая из шестидесяти крестьянских дворов. (По другим документам, имение в Кексгольмском уезде — «Азалову мызу» в 66 дворов — В. И. Геннин получил в 1714 году¹⁰²⁵.) Как уже отмечалось, вроде бы в том же 1710 году Вилим Иванович был произведен в подполковники артиллерии¹⁰²⁶.

Впрочем, независимо от неточностей в сведениях вполне очевидно, что 1710 год явился переломным в его карье-

* Ныне поселок Куркиёки, административный центр Куркиёкского сельского поселения Лахденпохского района Республики Карелии.

ре. Вместе с тем этот год стал, вероятнее всего, последним, в котором Вилим Иванович принял непосредственное участие в боевых действиях. При всем том, что на сегодня не удалось выявить никаких сведений о занятиях Вилима Геннина в 1711 году, можно с уверенностью утверждать, что он не принял участия в драматическом Прутском походе, что ему не довелось испытать ни тягот изнурительных маршей под палящим южным солнцем, ни мучительного ожидания последнего боя в окружении близ урочища Рябая Могила.

А вот в 1712 году Вилим Иванович совершенно точно находился в уже знакомом ему Санкт-Петербурге. Здесь ему довелось приступить к выполнению высочайшего поручения по достройке и оснащению Литейного двора на Московской стороне новой столицы. Кроме того, в декабре этого года В. И. Геннин подготовил обширную «табель», в которой привел сведения о наличии запасов пороха для артиллерии в тринадцати старых и новозавоеванных крепостях северо-запада¹⁰²⁷ (неясно, правда, каким образом он собрал эти данные, — затребовал доношения комендантов или же совершил инспекционную поездку). Согласно «табели» наиболее обеспеченными пороховым запасом оказались Нарва, Шлиссельбург и Кексгольм, в которых пороха тогда приходилось соответственно по 277, 190 и 189 зарядов на орудие¹⁰²⁸.

Литейный двор (давший начало Санкт-Петербургскому арсеналу и вообще Литейной части города) начал строиться осенью 1711 года. Первоначально работы велись силами гарнизонных солдат под руководством бессменного обер-коменданта Р. В. Брюса¹⁰²⁹. Вскоре, однако, стало очевидно, что строительство требует, с одной стороны, привлечения более значительных людских ресурсов, а с другой — руководства более сведущего в военно-инженерном деле и литейном производстве человека. В итоге в марте 1712 года состоялся именной указ (инициированный, вероятнее всего, Романом Брюсом), в котором предписывалось передать строительство будущего Арсенала в ведение Санкт-Петербургской губернской канцелярии, а руководителем стройки назначить подполковника артиллерии В. И. Геннина (рекомендованного на эту должность, судя по всему, все тем же обер-комендантом Романом Брюсом).

В доношении от 9 декабря 1712 года Вилим Геннин информировал Р. В. Брюса, что из-за некомплекта рабочих людей и дефицита строительных материалов (особенно термостойкого белого кирпича) удалось запустить лишь

одну небольшую домну («литейную печь»)¹⁰³⁰. Как бы то ни было, не прошло и полутора лет, как строительство было завершено. В апреле 1714 года Литейный двор был передан на баланс артиллерийского ведомства¹⁰³¹, под начало ставшего уже к тому времени генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюса. Несколько позднее поблизости от Литейного двора был также выстроен Пушечный двор, ставший складом артиллерийского вооружения.

Достроенный трудами Вилима Ивановича Литейный двор располагался на берегу Невы, замыкая собой тогдашнюю Литейную просеку (в 1716 году около него была дополнительно сооружена особая пристань)¹⁰³². Неоднократно перестраивавшийся, двор был снесен в 1851 году¹⁰³³, благодаря чему Литейный проспект получил выход к Неве. Сегодня на этом месте находится въезд на Литейный мост*.

Не исключено, что строитель Литейного двора Вилим Геннин рассматривался «господами вышними командирами» в качестве его будущего начальника. Однако это назначение (если оно в самом деле планировалось) так и не состоялось. Более того, судя по всему, В. И. Геннин уже не руководил стройкой на этапе ее завершения.

Дело в том, что в сентябре 1713 года подполковник В. И. Геннин получил иное, более высокое назначение. Правда, вне новой столицы. По высочайшей воле 37-летний Вилим Иванович стал комендантом города Олонца** и начальником олонечских металлургических заводов и вер-

* Что касается Пушечного двора, то на его месте в 1770-е годы было выстроено основное здание Арсенала (позднее получившего название Старого арсенала). После перевода основных объектов Санкт-Петербургского арсенала на противоположный берег Невы здание Старого арсенала в августе 1865 года было передано на баланс Министерства юстиции. После реконструкции, проведенной зимой 1865/66 года, бывший Арсенал превратился в своего рода Дворец правосудия, став зданием столичных «судебных установлений». В его помещениях разместились Санкт-Петербургский окружной суд и Санкт-Петербургская судебная палата, торжественное открытие которых состоялось 17 апреля 1866 года. В ходе Февральской революции 1917 года здание (по тогдашнему адресу: Литейный проспект, 4) было сожжено, а в 1929—1930 годах разобрано. В 1931—1932 годах на этом месте было выстроено административное здание, которое заняло Полномочное представительство ОГПУ СССР в Ленинградском военном округе. В настоящее время в здании находится Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

** Ныне административный центр одноименного национального района Республики Карелии.

фи¹⁰³⁴. Поскольку эти предприятия и сам Олонецкий уезд в июне 1712 года перешли в подведомственность Адмиралтейского приказа, В. И. Геннин вышел из подчинения Я. В. Брюса, оказавшись вновь под началом генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина.

Многолетним предшественником Вилима Геннина в Олонце являлся стольник А. С. Чоглоков. История смещения его с должности, правда, вряд ли могла воодушевить Вилима Ивановича. Будучи вызван в ноябре 1711 года для отчета в Санкт-Петербург, Алексей Чоглоков предстал там перед Петром I. Встреча эта, как описывал Алексей Семенович в челобитной 1727 года, обернулась тем, что государь «о заводских делах на меня... гнев свой возымел и изволил... пред собственным своим лицом наказанием истязать по словесному своему... изволению, без письменного произведения»¹⁰³⁵. Иными словами, за некие упущения в «заводских делах» стольник и комендант по устному распоряжению главы государства подвергся в его присутствии телесному наказанию, скорее всего кнутом¹⁰³⁶.

Впрочем, даже если у Вилима Ивановича и возникали какие-то неблагоприятные ассоциации в связи со злоключениями предшественника, к новой работе он приступил с присущей ему добросовестностью. Под руководством В. И. Геннина олонецкие предприятия достигли максимума продуктивности за первую четверть XVIII века. Достаточно сказать, что за 1712—1719 годы на Петровском и Повенечком заводах было изготовлено 1485 артиллерийских орудий, в том числе 813 — крупных калибров. Попутно за 1714—1719 годы на Олонце отлили 1801 якорь, а в 1718 году освоили технологию производства якорей больших размеров (более 200 (!) пудов весом) с помощью вододействующих механизмов¹⁰³⁷.

Порой объемы адмиралтейских заказов (равно как и сроки их выполнения) превосходили производственные возможности олонецких заводов. В марте 1715 года образцово исполнительный Вилим Иванович оказался вынужден с нескрываемым раздражением писать Ф. М. Апраксину: «Они думают в Петербурге, что мочно лить пушки и якори делать так скоро, как лить свинцовые пули»¹⁰³⁸. Реакция на эту инвективу со стороны адресата осталась неизвестной.

Петр I остался доволен первыми годами работы Вилима Геннина в Олонце и в 1716 году произвел его в полковники¹⁰³⁹. По всей очевидности, это произошло в январе,

перед выездом главы государства в длительную зарубежную поездку.

Помимо руководства заводами и верфью на коменданта были возложены полномочия как по управлению городом и Олонецким уездом, так и по поддержанию правопорядка и отправлению правосудия на вверенной территории. Между тем одних крестьянских дворов под властью Вилима Ивановича оказалось 8322 (включая 1764 монастырских и 90 помещичьих), численность же тяглого населения города и уезда составила в конце 1710-х годов более 48 тысяч душ только мужского пола¹⁰⁴⁰. Именно в Олонце В. И. Геннин впервые в полной мере проявил себя не только как технический специалист, организатор металлургического и артиллерийского производства, но и как поборник законности, прагматичный, волевой и неподкупный администратор.

Так, столкнувшись с массовым бегством работных людей с заводов, комендант предпринял сколь здравую, столь и гуманную меру: вместо традиционного наказания кнутом он ввел за побег имущественную санкцию — штраф в два рубля за месяц отсутствия на рабочем месте. В доношении Федору Апраксину от 22 мая 1714 года Вилим Иванович так объяснил мотивы своего решения: «Чтоб кроволития болше не чинить, положил я за побег штрафу... Понеже их [работных людей] кнутом содержать [удержать] было невозможно, а вешать грех»¹⁰⁴¹. В данном случае протестант Вилим Геннин проявил себя куда человечнее, нежели православный светлейший князь А. Д. Меншиков, который в июне 1708 года предписал беглых с олонецких заводов «сыскав, перевешать тут же на заводах», причем в присутствии их семей¹⁰⁴².

Впрочем, во второй половине 1710-х годов жестокосердный князь Александр Данилович стал еще одним «патроном» В. И. Геннина. При всем том, что с формальной стороны олонцкий комендант никак не подчинялся Александру Меншикову, Вилим Иванович принимался время от времени обращаться к нему с различными просьбами. Так, в марте 1717 года в письме светлейшему В. И. Геннин советовал, что не получает в Олонце положенное коменданту продуктивное жалованье (вино и овес).

Александр Данилович милостиво вмешался в ситуацию, что весьма растрогало Вилима Ивановича. Уже в мае 1717 года олонцкий комендант отписал «полудержавному властелину», что получил от Ф. М. Апраксина разрешение

безденежно получить из местного кабака 100 ведер вина, «за что должен вашей высококняжеской светлости вечно служить»¹⁰⁴³. Очень уж дорожил трезвенник Вилим Геннин поддержкой генерал-фельдмаршала Меншикова, если из-за ста ведер спиртного (необходимых ему, по всей вероятности, для представительских целей) адресовал ему столь подобострастные строки.

Особой страницей пребывания Вилима Геннина в Олонце явилось его противостояние с влиятельным кланом братьев Ижориных. Началось с того, что старший из братьев, Антон Алексеевич, служивший подьячим с 1695 года, попытался занять при новом коменданте должность помощника по судебной части. Наведя справки, Вилим Геннин выяснил, что претендент имеет, мягко говоря, сомнительную репутацию: «При прежних комендантах... разорил много людей и взятки мукою* взял... и дворов много опустошил»¹⁰⁴⁴. Естественно, никакого места при Вилиме Ивановиче А. А. Ижорин не получил.

В. И. Геннин сумел в 1713 (или 1714) году добиться откомандирования Антона Ижорина из Олонца. Впрочем, и удаленный из родных мест коррумпированный подьячий Антон Алексеевич устроился не худшим образом. Последующие годы он провел на «хлебных» местах: «у надзирания» соляных промыслов Соловецкого монастыря, в Санкт-Петербургской губернской канцелярии и в отвечавшей за сбор налогов Камер-коллегии, у межевания земель в Ингерманландии. В 1718 году был произведен в дьяки. В августе 1728 года А. А. Ижорин подал челобитную с просьбой — «для моей старости... и для многовременной моей приказной работы» — вернуть его в Олонец¹⁰⁴⁵.

Челобитная встретила понимание в Сенате. Сенатским указом от 23 ноября 1728 года он был определен в Олонец «секретарем при воеводе»¹⁰⁴⁶. Так что от алчного приказного Вилим Геннин уберег олонецких жителей на целых 15 лет.

Между тем под стать Антону Ижорину был его младший брат Петр (родился в 1690 году). Начавший службу подьячим в Приказе Казанского дворца в 1706 году, поучившийся даже некоторое время «арифметике и геометрии и тригонометрии» (!) в московской Математико-навигаторской школе в Сухаревой башне, Петр Ижорин сумел в 1716 году добиться назначения фискалом в Олонец¹⁰⁴⁷. Успевший

* То есть путем вымогательства с применением насилия.

«засветиться» в хищении изделий из драгоценных металлов с гамбургского корабля, потерпевшего крушение близ Кольского острога*, П. А. Ижорин, прибыв в Олонец, принялся открыто — «при народе» — угрожать Вилиму Ивановичу: «Этому коменданту быть сковану [закованному в кандалы]»¹⁰⁴⁸.

Угрозы эти были совсем не пустым звуком. Конфликт с молодым фискалом был опасен для олонецкого коменданта по нескольким причинам. Начать с того, что на местного фискала ни административные, ни юрисдикционные полномочия Вилима Ивановича не распространялись. Фискал же обладал правом возбудить уголовное преследование в отношении любого должностного лица, включая коменданта. И то, что П. А. Ижорин мог это сделать по ложным основаниям (скажем, на основании им же инспирированных исковых челобитных кого-то из олончан), сомнений не возникает.

Кроме того, Ижорин-младший пользовался очевидным покровительством главы фискальской службы России А. Я. Нестерова, который имел возможность доложить сфальсифицированные материалы, компрометировавшие В. И. Геннина, непосредственно Петру I. И в этом случае Вилиму Ивановичу реально грозила участь его предшественника Алексея Чоглокова. Тем более что генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, чрезмерно осторожный по натуре и имевший собственный печальный опыт столкновения с фискальской службой, вряд ли стал бы вступаться за коменданта Вилима Геннина.

В противостоянии с Петром Ижориным Вилим Иванович пытался заручиться содействием А. Д. Меншикова. В одном из недатированных посланий светлейшему он подробно изложил ставшие известными ему обстоятельства упоминавшегося расхищения П. А. Ижориным серебряных изделий с разбившегося корабля. В. И. Геннин предложил взять расследование этого криминального эпизода на себя, причем с условием, чтобы «при том розыске прислал бы своих ево царское величество преображенских людей»¹⁰⁴⁹ (то есть кого-то из офицеров гвардии Преображенского полка). В противном случае, по мнению коменданта, дело по обвинению Петра Ижорина будет обречено на развал («оное дело фискалы и обор-фискалы и протчие, которые в

* Ныне город Кола, административный центр одноименного района Мурманской области.

Питербурхе их [братьев Ижориных] оберегатели, станут заминать»¹⁰⁵⁰). Иными словами, Вилим Иванович предложил учредить под своим руководством следственную канцелярию. Эта его инициатива не получила, однако, поддержки у А. Д. Меншикова (самого находившегося в то время под следствием канцелярии гвардии подполковника В. В. Долгорукова).

Карьере Петра Ижорина, казалось, пришел конец в 1717 году, когда вдова У. Н. Лобанова обвинила его в составлении фальшивого завещания и присвоении имущества ее покойного мужа. Согласно исковой челобитной Улиты Лобановой от 26 марта 1717 года завещание («духовная») было оформлено П. А. Ижориным, когда ее муж, соляной откупщик Иван Лобанов, из-за тяжелой болезни уже утратил способность говорить («был безгласен»). К тому же завещание не имело подписи И. Лобанова, что, по резонному мнению вдовы, свидетельствовало о его беспомощном физическом состоянии («безсилстве»)¹⁰⁵¹. После длительных проволочек Правительствующий сенат все же предписал В. И. Геннину выслать олонецкого фискала для допроса в Санкт-Петербург.

Однако когда в сентябре 1717 года комендант направил для задержания П. А. Ижорина семерых солдат, тот сумел скрыться. Нелегально прибыв затем в столицу, Петр Алексеевич явился прямо на дом к Алексею Нестерову, который в очередной раз взял его под защиту¹⁰⁵². И хотя в Олонец Петр Ижорин более не вернулся и был вынужден покинуть фискальскую службу, его карьера на этом не завершилась.

Беглый фискал сумел устроиться не куда-нибудь, а в только что основанную Юстиц-коллегию (предшественницу Министерства юстиции), по представлению которой уже в октябре 1720 года был произведен в секретари¹⁰⁵³. Отвечать же секретарь П. А. Ижорин стал в коллегии за «фискальские дела», поскольку, как было сказано в отмеченном представлении, «он... к тем делам заобычайным есть»¹⁰⁵⁴. Вот уж, что называется, бросили шуку в реку.

В очередной раз гром грянул над головой Петра Ижорина в 1722 году, когда под следствие следственной канцелярии генерал-прокуратуры попал провинциал-фискал С. Ф. Попцов. Будучи склонен к сотрудничеству со следствием, Савва Попцов подал обширную повинную, в которой между иного поведал о крупной взятке, которую в 1719 году вручил канцеляристу Юстиц-коллегии П. А. Ижо-

рину. Отличавшийся неординарной памятью Савва Федорович детально описал, что «Петр Ижорин... взял с него... во взятку двои часы, одни карманные серебряные, ценою в пятьдесят рублей, другия стенные боевые* в корпусе, ценою в шездесят рублей, да запасу всякого, а имянно муки, солоду, вина, мяс, рыб и протчаго, рублей на пятьдесят с небольшим»¹⁰⁵⁵.

Учитывая, что беспрецедентная по откровенности повинная С. Ф. Попцова проверялась следственной канцелярией пункт за пунктом невзирая на служебный статус упомянутых в ней лиц, Петр Ижорин имел более чем реальную перспективу попасть в число подследственных по грандиозному «делу фискалов», в которое переросло уголовное дело Саввы Попцова. Тем более что, как уже говорилось, одним из ключевых фигурантов дела стал покровитель Петра Ижорина А. Я. Нестеров. И ведь запись в следственном деле сохранилась, что «онный Ижорин допрашиван, и учинена выписка особо»¹⁰⁵⁶. Вот только ни протокола допроса, ни упомянутой «выписки» отыскать в материалах дела (дошедших до наших дней в полной сохранности) не удалось.

В свете этого не приходится удивляться, что вместо колодничьей палаты П. А. Ижорин в 1723 году оказался на новой должности. Теперь уже секретаря новоучрежденного Вышнего суда — высшего органа правосудия, рассматривавшего главным образом дела о преступлениях против интересов службы (или, как они еще сейчас именуются, «коррупционной направленности»). В числе прочих в производство Вышнего суда попало и «дело фискалов» (по всей вероятности, именно тогда из него оказались изъяты неблагоприятные для бывшего олонекского фискала документы).

Излишне разоткровенничавшийся перед прокурорами Савва Попцов взошел, в конце концов, на эшафот на Троицкой площади Санкт-Петербурга, а в его судебном деле (соединенном со следственным) появилась запись, сделанная рукой секретаря Петра Ижорина: «Попцов казнен, а имянно отсечена голова генваря 24 дня 1724»¹⁰⁵⁷. Заодно с С. Ф. Попцовым на эшафоте в тот январский день оказался и бывший судья Московского надворного суда (а до того глава фискальской службы) стольник М. В. Желябужский.

* То есть с боем.

Осужден стольник был по делу, обстоятельства которого один в один совпадали с историей о фальшивом завещании откупщика Ивана Лобанова (отличие было только в том, что Михаил Желябужский осуществил подлог завещания дворянки — вдовы Акулины Поливановой). В судебном деле М. В. Желябужского избежавший ответственности за аналогичное преступление Петр Ижорин также оставил лаконичную запись: «Эксекуция Желябужскому учинена на Троицкой площади генваря 24 дня 1724 года. Дано 50 ударов [кнутом]»¹⁰⁵⁸.

24 января 1724 года Петр Ижорин начертал и строки, касавшиеся Алексея Нестерова: «Оному Нестерову... на Троицкой площади эксекция учинена, казнен колесованием»¹⁰⁵⁹. И ведь не дрогнула рука у секретаря, вблизи наблюдавшего, как ломают кости его многолетнему благодетелю, некогда уберегшему его от коменданта Вилима Геннина. Запись исполнена четким, идеально разборчивым почерком. Разве что в слове «площадь» сделана описка.

Перспектива самому взойти на эшафот замаячила перед П. А. Ижориным в ноябре 1724 года, когда Петр I ознакомился с подметным письмом о злоупотреблениях в Вышнем суде. Из 7-го пункта письма император узнал, что «секретарю Ижорину, которой ныне в канцелярии Вышняго суда, надлежало было дать по некоторому делу с Попцовым очная ставка, токмо того в той Вышняго суда канцелярии не учинили». На полях напротив приведенных строк глава государства собственноручно поставил крест в кружке¹⁰⁶⁰. Это означало, что информация будет проверяться под его личным контролем. Увы, разбирательства сведений подметного письма, изрядно заинтересовавшего Петра I¹⁰⁶¹, не последовало: в январе 1725 года первый российский император скончался.

Что же до «непотопляемого» П. А. Ижорина, то после закрытия в 1726 году Вышнего суда он получил очередное повышение, став обер-секретарем Военной коллегии. Во главе коллежской канцелярии Петр Ижорин благополучно проработал до самой отставки, последовавшей в июле 1744 года. Во второй половине 1730-х — начале 1740-х годов по роду службы В. И. Геннин, несомненно, регулярно посещал Военную коллегию. Кто знает, какие эмоции он испытывал, раз за разом сталкиваясь в коллежской аудиенц-камере лицом к лицу с обер-секретарем Петром Ижориным. Вряд ли, конечно, положительные.

Между тем помимо психологически измотавшего Вилима Ивановича конфликта с братьями Ижоринными и постоянного волевого и эмоционального напряжения от «гонки» по выполнению производственных заданий Адмиралтейства, в бытность в Олонце он пережил еще и личную драму. 16 марта 1716 года в Санкт-Петербурге скончалась жена коменданта (ее имени установить на сегодня не удалось). Переживания Вилима Ивановича были таковы, что он, по собственным его словам, «целой месяц из избы никуда не выходил и слышу в левой руке и ноге расслабление»¹⁰⁶². По всей вероятности, сорокалетний Вилим Геннин испытал тогда самый острый в его жизни внутренний кризис.

Чтобы хоть как-то отвлечься от скорби, 17 марта В. И. Геннин обратился к генерал-адмиралу Федору Апраксину с просьбой отпустить его для лечения и свидания с родственниками за границу. Понимая, насколько такой отпуск несвоевремен, олонецкий комендант пообещал графу Федору Матвеевичу подыскать во время поездки для работы в России «нужнейших работных людей». Попутно Вилим Иванович заверил генерал-адмирала о своем намерении не покидать российскую службу, подчеркнув, что «по милости царского величества и вашего сиятельства я... выведен человеком знатным»¹⁰⁶³.

Поскольку Петр I находился в то время в зарубежной поездке, Ф. М. Апраксин принялся тянуть с принятием решения о предоставлении отпуска Вилиму Геннину. В письме от 12 мая Вилим Иванович обратился к генерал-адмиралу уже с нотками отчаяния: «Для бога помилосердствуй... Ежели я не получу на время себе отпуска, то совершенно вы меня умертвите или увечным сделаете»¹⁰⁶⁴. Ситуация разрешилась благодаря вмешательству «патрона» Вилима Ивановича А. Д. Меншикова. В мае светлейший князь Александр Данилович уведомил Ф. М. Апраксина: «...мы за благо разсудили, чтоб ево [Геннина] отпустить. Ибо ежели сего не учинится, может он от меланхолии умереть»¹⁰⁶⁵.

Отпуская поездку В. И. Геннина в итоге состоялась, хотя ее подробности остались неизвестными. Возможно лишь полагать, что продлилась она с июня по декабрь 1716 года. В следующий раз полковник Вилим Геннин выехал за границу в 1719 году и уже по официальному поводу — для найма горных мастеров.

Перед этой поездкой Вилим Иванович удостоился новой монаршей милости. По всей вероятности, во время приезда Петра I в Олонец и на олонецкие целебные («мар-

циальные») воды в начале 1719 года¹⁰⁶⁶ царь вручил коменданту свой медальный портрет, украшенный алмазами^{1067*}. Возможно, в награду за его роль в открытии месторождения «марциальных вод»**, употребление которых неизменно приводило к улучшению самочувствия Петра I.

В том же году полковник Вилим Геннин сумел устроить на русскую службу своего отца. Как явствует из архивного документа, благодаря протекции сына Иоганн Геннин, получив чин майора артиллерии, в апреле 1719 года был определен в гарнизон Нарвы¹⁰⁶⁸.

Вторая зарубежная поездка имела одним из последствий перемену в личной жизни Вилима Геннина. Согласно семейному преданию семейства Генниных, зафиксированному В. Н. Берхом в 1820-е годы, еще будучи в Голландии, В. И. Геннин «влюбился в тамошнюю уроженку и условился с ней, что по прибытии ее в Россию он на ней женится»¹⁰⁶⁹. Свадьба Вилима Геннина состоялась в 1720 году в Санкт-Петербурге.

В качестве свадебного подарка Вилим Иванович получил от царя внушительную сумму — 1800 рублей¹⁰⁷⁰. Как явствует из завещания В. И. Геннина, вторую его супругу звали Фридерика Луиза фон Бартиг¹⁰⁷¹. По всей вероятности, именно в этом браке у В. И. Геннина родились сыновья Георг Фридрих и Эрнест Иоганн.

Что же касается олонецкой службы Вилима Ивановича, то следует еще отметить, что, будучи «нововыезжим иноземцем», он сумел на удивление глубоко вникнуть в специфику механизмов власти в России. В этом отношении уроженец города Зиген вел себя в ряде случаев как администратор вполне старомосковской закалки. Особенно это проявилось в отношении органов правосудия, отделенных от органов управления, которые начали создаваться в России в 1719 году.

Не вдохновившись передовой европейской идеей о суде, независимом от администрации (абсолютно неорганичной тогдашним российским условиям), Вилим Иванович в 1721 году отказался принять назначенного Юстиц-

* На известном портрете 1740-х годов кисти неизвестного художника, на котором Вилим Иванович изображен при всех регалиях, этот внушительных размеров медальный портрет вырисован в самом центре композиции.

** В настоящее время бальнеологический и грязевой курорт «Марциальные воды», расположенный в одноименном поселке Кондопожского района Республики Карелии.

коллегией в Олонец городского судью (не подчиненного коменданту). В адресованном Юстиц-коллегии доношении от 18 августа 1721 года Вилим Геннин прямолинейно предложил, чтобы определявшийся в Олонец судья находился «под моею командою и без моего б ведома ничего не делал»¹⁰⁷².

Впрочем, олонецкий период жизни В. И. Геннина подходил к концу. 28 июня 1721 года состоялся именной указ, возложивший на полковника Вилима Геннина дополнительное поручение — строить плотину на реке Сестре и при ней оружейный завод¹⁰⁷³. Месяц спустя, 27 июля, царь пожаловал Вилиму Ивановичу дом с обширным земельным участком на Васильевском острове Санкт-Петербурга (в котором прежде размещалась столичная губернская канцелярия)¹⁰⁷⁴. Однако как следует обустроиться в петербургском доме В. И. Генину не довелось: очень скоро планы Петра I в отношении его кардинально изменились.

6 марта 1722 года В. И. Геннин был произведен в генерал-майоры, а затем последовало и новое назначение. На этот раз Вилиму Геннину предстояло отправиться на далекий Урал (административно входивший тогда в состав Сибирской губернии).

Трудно сказать, что повлияло на подобное решение главы государства. Не исключено, что идею направить В. И. Геннина (пусть и с ответственной миссией и повышением в чине) в уральскую глухомань императору ненавязчиво подсказал А. Д. Меншиков.

Дело в том, что именно весной 1722 года Вилим Иванович имел неосторожность вступить в прямой конфликт с Александром Даниловичем, потребовав оплатить «железные разные припасы» (на сумму 5195 рублей), отправленные с олонецких заводов «в дом» (то есть в частное хозяйство) светлейшего в 1714—1720 годах¹⁰⁷⁵. Несмотря на то что настояния В. И. Геннина были справедливы, не привыкший к претензиям в свой адрес «полудержавный властелин» и «прегордый Голиаф» всерьез разгневался на олонецкого коменданта. Дошло до того, что когда Вилим Иванович явился перед отъездом на Урал с протокольным визитом вежливости к Александру Даниловичу, то охрана светлейшего князя не пропустила новоявленного генерал-майора к хозяину¹⁰⁷⁶.

Согласно «Инструкции генералу-маеору Генину», подписанной императором 29 апреля 1722 года в подмосковном селе Преображенском, Вилим Иванович должен был прежде

всего осуществить технологическую реконструкцию уральских горных заводов. Однако в статье 3-й «Инструкции» на Вилима Геннина возлагалось и следственное поручение. Оно гласило: «Розыскать между Демидовым и Татищевым, также и о всем деле Татищева»¹⁰⁷⁷. Перед отправлением в дальние края в качестве своего рода «подъемных» Вилим Геннин получил от главы государства 1000 рублей¹⁰⁷⁸.

Так под следствием Вилима Ивановича оказался командированный на Урал в 1720 году 36-летний капитан артиллерии В. Н. Татищев, бывший стольник царя Ивана V, участник взятия Нарвы, Полтавской битвы и Прутского похода, а впоследствии известный государственный деятель и историограф.

Покинув Москву 22 июля 1722 года, В. И. Геннин прибыл на Урал, в город Кунгур*, 2 октября¹⁰⁷⁹. Начав выполнение инструкции Петра I с осмотра месторождений медной руды, Вилим Иванович приступил к следствию по делу Василия Татищева в первые дни декабря 1722 года. Ему предстояло расследовать обвинение в двух эпизодах злоупотребления должностными полномочиями, которые выдвинул против В. Н. Татищева могущественный уральский горнозаводчик Никита Демидов.

Первый этап расследования завершился к середине февраля 1723 года. Проведя (лично и через уполномоченных должностных лиц) допросы нескольких десятков свидетелей из числа местных жителей и самого В. Н. Татищева, Вилим Геннин пришел к выводу о необоснованности предъявленных капитану обвинений¹⁰⁸⁰. Заключение по делу — «Выписку обстоятельную из дела, что розыскивано между Демидовым и капитаном Татищевым» — В. И. Геннин 15 февраля с пространном сопроводительным письмом направил Петру I¹⁰⁸¹.

Получив 8 апреля материалы расследования Вилима Геннина, император в тот же день направил их на рассмотрение Вышнего суда¹⁰⁸². Судебное производство по делу В. Н. Татищева не затянулось. Однако в судном деле Татищева секретарю Петру Ижорину не довелось сделать каллиграфически исполненной записи о совершенной «эксекуции». Придя к заключению об обоснованности выводов осуществленного В. И. Генниным предварительного следствия, Вышний суд в ноябре 1723 года вынес Василию Та-

* Ныне административный центр одноименного района Пермского края.

тищеву оправдательный приговор¹⁰⁸³. Единственный за все время существования суда!

Однако уже вскоре Вилим Геннин предпринял в отношении Василия Татищева новое следствие. Вызвано это было тем, что до генерал-майора дошла информация о взяточничестве последнего. Вилим Иванович был непримиримым противником коррупции и не мог оставить поступившие сведения без внимания.

По поручению Вилима Геннина фискал Иван Крупеников и гвардии сержант О. А. Украинцев осуществили сплошную проверку финансовой документации уральских органов местного самоуправления. В результате был выявлен ряд эпизодов получения В. Н. Татищевым в 1720—1721 годах добровольных подношений от выборных должностных лиц в виде продуктов и денег на общую сумму 21 рубль 79 копеек¹⁰⁸⁴. Несмотря на, мягко говоря, скромный размер этой суммы, Вилим Геннин счел необходимым подробно информировать Петра I о результатах второго расследования.

В письме кабинет-секретарю А. В. Макарову от 23 октября 1723 года Вилим Иванович так пояснил мотивы, побудившие его сообщить главе государства о столь незначительном правонарушении Василия Татищева: «Хотя сие дело и малое, однако ж мне нельзя не объявить, для того что при отъезде моем присягал его величеству, чтоб мне ничего не утаить... [А если утаить, то] государь меня велит судить и розстрелять по достоинству. Того б ради всяк себя от смерти опасен и делать надобно правда»¹⁰⁸⁵. Нет сомнений, что, говоря о перспективе возможной казни за упущения в расследовании, Вилим Геннин имел в виду судьбу следователя М. И. Волконского, расстрелянного в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года. Не исключено, что Вилиму Ивановичу довелось присутствовать на приведении в исполнение «кары маеору Волконскому», лично видеть, как после залпа в упор безжизненно обвис привязанный к столбу князь Михаил Иванович.

В том же 1723 году В. И. Геннину довелось в очередной раз запечатлеть свое имя в анналах отечественной истории. В марте на реке Исеть началось строительство завода и небольшой крепости, которым очень скоро Вилим Иванович придумал название. В письме императрице Екатерине Алексеевне от 12 июня генерал-майор сообщил — с присущей ему прямолинейностью, — что «крепость и завод осмелился именовать до указа Катериненбурх, а заводы Ка-

териненбургские, в память высокославного имени вашего величества»¹⁰⁸⁶. Нечего и говорить, что инициатива Вилима Геннина встретила полную поддержку в столице. Так на карте России появился город Екатеринбург.

В первые годы строительство Екатеринбурга было организовано точно так же, как и Санкт-Петербурга (хотя в закладке новой столицы и ее начальном возведении Вилим Геннин участия не принимал). Для осуществления строительных работ были переброшены воинские части из гарнизона губернского города Тобольска. Работы по расчистке строительной площадки и подвозу строительных материалов исполняли мобилизованные крестьяне четырех казенных слобод: Камышловской, Красноярской, Ошепковой и Тамакульской¹⁰⁸⁷.

На протяжении марта 1723 года на берега Исети двумя партиями прибыли восемь гарнизонных рот. В апреле подразделения были сведены в полк, наименованный Тобольским командированным гарнизонным полком. Его командиром стал Иоганн Брикгаузен¹⁰⁸⁸ (Casper Johan Brockhausen), бывший прапорщик Ярвиско-Виеруского ландмилиционного полка шведской армии, плененный в августе 1704 года при взятии Нарвы, в 1712 году перешедший на русскую службу и в 1720-м дослужившийся до майора¹⁰⁸⁹ тобольского гарнизона.

Основные работы по возведению крепостных объектов завершились к ноябрю. Были сооружены более чем двухметровой высоты вал, шесть бастионов, деревянный палисад высотой 3,5 метра. На зиму на льду Исети были также оборудованы заграждения из деревянных рогаток¹⁰⁹⁰ (военная угроза Екатеринбургу исходила от не принявших российское подданство башкир). В июне 1724 года большая часть военнослужащих командированного полка была возвращена к месту постоянной дислокации в Тобольск, а в Екатеринбурге осталась пехотная рота, которая впоследствии стала ядром формирования горнозаводских войск¹⁰⁹¹.

Между тем следственная деятельность В. И. Геннина на Урале продолжилась, причем уже по его собственной инициативе. Пользуясь высоким служебным статусом, Вилим Иванович попытался «навести порядок» в органах власти западных уездов Сибирской губернии, пресечь преступную деятельность представителей низового звена местной администрации. Для начала внимание генерал-майора привлекли судебный комиссар Уктусского дистрикта В. Ф. Томилов и земский комиссар Каменского дистрикта

Ф. Ф. Фефилов. Впоследствии Вилим Иванович возбудил уголовные дела также в отношении судебных комиссаров Гавриила Черкасова, Матвея Головкова и Федора Протопопова, подьячего Андрея Гобова¹⁰⁹².

Что касается Венедикта Томилова, то он обвинялся в нанесении «мужикам великих обид и разорения, и волокит». Кроме того, судебный комиссар подозревался в присвоении изъятых у задержанных воров и разбойников краденых вещей и необоснованном (и явно небескорыстном) освобождении двоих из них из-под стражи. По степени криминальной активности от В. Ф. Томилова не отставал и Федор Фефилов: на него было подано 10 исковых челобитных, в которых он обвинялся в вымогательстве взяток с применением насилия на общую сумму в 248 рублей.

Получив сведения о криминальных деяниях В. Ф. Томилова и Ф. Ф. Фефилова, Вилим Геннин незамедлительно распорядился арестовать комиссаров, а затем основал следственную канцелярию во главе с первостроителем Екатеринбурга майором И. Брикгаузенем. Согласно распоряжению В. И. Геннина от 12 июля 1723 года, Иоганну Брикгаузену (совместно с одним-двумя строевыми офицерами) надлежало в кратчайший срок осуществить предварительное следствие («изследовать... наискорее») по делам В. Ф. Томилова и Ф. Ф. Фефилова. Будучи допрошены в канцелярии И. Брикгаузена, комиссары незамедлительно дали признательные показания, объяснив свои преступные деяния «простотою и недоумением»¹⁰⁹³.

Не вызывает сомнений, что, будучи осведомлен о формах организации предварительного следствия, которые получили развитие во второй половине 1710-х годов, Вилим Геннин в 1723 году создал уральский аналог не раз уже упоминавшихся «майорских» следственных канцелярий. Расследованные дела он предполагал затем передать на судебное рассмотрение в располагавшийся в Москве Преображенский приказ, являвшийся, как уже говорилось, специализированным судом по государственным преступлениям.

Проблема заключалась, однако, в том, что юрисдикционные полномочия главы уральского горного правления В. И. Геннина не распространялись на должностных лиц местных органов власти, а потому, возбудив в отношении их уголовное преследование, он юридически значительно превысил свои должностные полномочия. По этой причине вопреки инициативе В. И. Геннина уголовные дела

коррупцированных комиссаров были направлены в производство не Преображенского приказа, а Тобольского надворного суда.

Стремясь сохранить контроль над судебным рассмотрением возбужденных им уголовных дел, В. И. Геннин попытался давать руководящие указания никак не подчиненному ему надворному суду. Так, 30 января 1724 года он направил президенту суда князю С. М. Козловскому письмо с грозным напоминанием, что «всем известен экземпль, который учинен князю Гагарину»*, и с требованием, чтобы «вы... безделников**», сковав, держали и по челобитным и доношениям безволокидно следовали, дабы бедной народ не вовсе разорился и могли б свои подати платить на содержание флота и армей»¹⁰⁹⁴.

Однако все усилия В. И. Геннина по искоренению коррупции оказались тщетными. Тобольский надворный суд для начала освободил всех обвиняемых из-под стражи, а затем принялся всячески затягивать рассмотрение дел. В итоге уголовные дела по обвинению В. Ф. Томилова, Ф. Ф. Фефилова и других мздоимцев так и не были доведены до приговора. В частности, о необходимости завершить разбирательство дела комиссара М. Головкова упоминалось еще в указе Сената от 21 февраля 1727 (!) года¹⁰⁹⁵.

Как «вышний горный командир» В. И. Геннин организовывал и борьбу с шайками разбойников, угрожавших металлургическим заводам. Так, летом 1724 года, узнав о намерении группы разбойников совершить нападение на поселок Ягошихинского медеплавильного завода***, Вилим Иванович организовал против них войсковую операцию. После того как захваченные разбойники под пытками признали вину, В. И. Геннин приговорил шестерых из них к смертной казни через повешение за ребра и через колесование¹⁰⁹⁶.

Помимо участия в уголовном преследовании коррупцированных комиссаров и разбойников, в первые годы пребывания на Урале В. И. Геннин выступил с рядом инициатив по совершенствованию судебного устройства Си-

* «Эксемпелем» являлось осуждение Правительствующим сенатом к смертной казни бывшего сибирского губернатора М. П. Гагарина.

** То есть поименованных выше земских комиссаров.

*** Основанный в 1723 году Ягошихинский (Егошихинский) завод положил начало существованию города Перми, получившего современное название в 1780 году.

бирской губернии. Сохранив неприятие европейской идеи суда, независимого от администрации, Вилим Иванович в письме кабинет-секретарю А. В. Макарову от 1 февраля 1724 года высказал мысль о необходимости сосредоточить всю полноту власти в регионе в едином органе: «Чтоб... был бы один главнейший камандир, которой бы всех сибирских камандиров, надворной суд и камерира* мог бы ведать и штрафовать, а не так как теперь, что всякой большой»¹⁰⁹⁷. Столь емко сформулированная Вилимом Генниным идея о «главнейшем камандире» в полной мере воплотилась в жизнь уже после кончины Петра I в связи с изданием закона от 24 февраля 1727 года о реорганизации системы местного управления¹⁰⁹⁸.

Еще одной проблемой, с которой столкнулся Вилим Геннин на Урале, являлась практика объявления осужденными лицами «слова и дела» (извета) с обвинениями различных должностных лиц в совершении государственных преступлений. В соответствии с тогдашним уголовно-процессуальным законодательством изветчик и оговоренный (независимо от их служебного и процессуального статуса) подлежали незамедлительному этапированию в Преображенский приказ. Подобная практика изрядно дезорганизовывала работу местной администрации. Так, согласно данным Сибирской губернской канцелярии, только за 1723 год в связи с объявлением «слова и дела» на должностных лиц из губернии в Преображенский приказ было отослано 116 человек, причем ни один извет так и не подтвердился¹⁰⁹⁹.

В связи с подобной ситуацией В. И. Геннин предложил учредить в Сибирской губернии представительство Преображенского приказа. В письме императору от 22 октября 1723 года он высказал просьбу, чтобы для разбирательства дел по государственным преступлениям прислать «ис Преображенска афицера... кому изволишь верить», который «в Сибири бы жил»¹¹⁰⁰. В направленном два дня спустя письме главе Преображенского приказа князю И. Ф. Ромодановскому генерал-майор изложил соображения на этот счет более подробно.

По мысли Геннина, командированный в Тобольск уполномоченный («ассессор») Преображенского приказа производил бы совместно с губернатором или вице-губернатором разбирательство дел по «слову и делу», возбуждавшихся на территории Сибири. При этом по «малым делам» проекти-

* Главу территориального органа налоговой службы.

руемое сибирское представительство приказа осуществляло бы судопроизводство в полном объеме, а в остальных случаях ограничивалось досудебным рассмотрением дела, результаты которого докладывались затем в Преображенский приказ¹¹⁰¹. Однако, несмотря на серьезную обоснованность, данное предложение не нашло поддержки ни в Преображенском приказе, ни у Петра I.

Довелось Вилиму Ивановичу заниматься на Урале и военно-судебными делами. Как старший воинский начальник он утверждал приговоры, вынесенные на подведомственной территории полковыми и гарнизонными военными судами (кригсрехтами). А дел в производстве военных судов хватало. Только с мая по август 1723 года кригсрехт Тобольского командированного полка вынес (под председательством все того же майора И. Брикгаузена) 50 приговоров, из них 18 смертных. 12 солдат, изобличенных в дезертирстве, были осуждены к повешению, двое — за пьянство на карауле — к расстрелу, двое местных жителей — за помощь дезертирам — также к повешению.

При утверждении приговоров Вилим Геннин отменил смертную казнь для девятиерых солдат и одного местного жителя, усмотрев в материалах их дел смягчающие обстоятельства. Еще троих солдат он помиловал прямо на эшафоте — в честь дня святых апостолов Петра и Павла¹¹⁰². Последним осужденным повешение было заменено на битье кнутом, вырезание ноздрей и пожизненную ссылку гребцами на галеры¹¹⁰³.

Вместе с тем в случаях, когда приговор выносился закоренелому преступнику, Вилим Геннин поступал весьма жестко. Так, гренадер В. Н. Жеравцов, прибывший на строительство Екатеринбурга, был изобличен военным судом в совершении нескольких убийств и разбоев. Оказавшись на стройке, Василий Жеравцов (имевший, как открылось, криминальное прозвище «Комиссар») принялся организовывать из сослуживцев банду с целью совершить коллективное дезертирство и, добравшись до Волги, заняться там разбоями. При утверждении приговора Вилим Иванович определил Жеравцову-Комиссару смертную казнь в форме колесования¹¹⁰⁴.

Согласно отчету Иоганна Брикгаузена 10 августа 1723 года, в новооснованном Екатеринбурге перед строем полка Василий Жеравцов был «колесован живой и поднят на колесо поверху. И в то время голова отсечена и поставлена на спицу»¹¹⁰⁵.

Вилиму Геннину довелось принять участие в церемонии погребения первого российского императора, состоявшейся, как уже говорилось, в Санкт-Петербурге 10 марта 1725 года. Вместе с еще несколькими генералами Вилим Иванович нес один из золоченых шнуров балдахина над гробом Петра Великого¹¹⁰⁶.

В целом кончина императора привела к явственному ухудшению позиций В. И. Геннина в правительственной среде. Связано это было с дальнейшим возвышением А. Д. Меншикова. Преисполненный тревоги, Вилим Иванович направил своему бывшему «патрону» несколько извинительных писем, на которые, однако, не получил ответа.

Трезво осознав, что в подобной ситуации он рискует «застрять» в уральском захолустье до конца дней, В. И. Геннин принялся упрашивать Александра Даниловича вернуть его в Москву. Поначалу в письме от 18 декабря 1726 года из Екатеринбурга Вилим Геннин сформулировал свою просьбу почти шутливо: «Что мне повелено было здесь сделать, то чрез труд мой сделано. <...> И того ради искреннее мое желание, дабы не брать жалованья напрасно и не получить имя тунеядец (! — *Авт.*), быть при определенном мне месте в артил[л]ерии»¹¹⁰⁷.

Но вскоре Вилиму Ивановичу стало вовсе не до шуток. В апреле 1727 года он отправил светлейшему князю послание, выдержанное уже в откровенно сервильной тональности: «Я, ведая мою винность пред вашей высококняжеской светлостию... яко блудной сын (! — *Авт.*), повергаясь пред нагами ваших [у ног ваших] (! — *Авт.*), рабски прошу милостивейше на меня призреть и оную мою пред вашей высококняжеской светлости винность мне отпустить, дабы совесть моя... осталась в покое»¹¹⁰⁸. Вкратце описав далее ухудшение своего здоровья, грозившее его жене и детям остаться «во отдаленном и пустом месте в сиротстве», В. И. Геннин завершил послание отчаянными строками: «Того ради вашу высококняжескую светлость прошу, хотя не для меня, но для оных бедных моих сирот, сотворить со мною милость, чтоб мне отсель быть свободну»¹¹⁰⁹. Не раз, наверное, проклинал себя Вилим Иванович за тот опрометчивый демарш против Александра Даниловича, который он позволил себе весной 1722 года...

Последовавшее в сентябре 1727 года падение А. Д. Меншикова было воспринято В. И. Генниным, несомненно, с изрядным облегчением. И хотя в столицу Вилима Геннина не вернули, его позиции отчетливо улучшились. 24 фев-

раля 1728 года по случаю коронации императора Петра II Вилим Иванович был произведен в генерал-лейтенанты артиллерии¹¹¹⁰. Согласно этому же именному указу генерал-майором стал бригадир Иоганн Шерншанц — как в России стали именовать последнего шведского коменданта Кексгольма Йохана Шерншанца, перешедшего на русскую службу в 1724 году¹¹¹¹.

Трудно сказать, состоялась ли тогда встреча В. И. Геннина и И. Шерншанца. Вероятнее всего, нет. Дело в том, что по занимаемым должностям оба они находились на изрядном удалении от столиц империи. Если Вилим Иванович пребывал по-прежнему в Екатеринбурге, то Й. Шерншанц ничуть не ближе — в расположенной на юго-западном побережье Каспийского моря отвоеванной у Персии крепости Астара*.

На сегодня неизвестно в деталях, как складывалась служба бывшего коменданта Кексгольма в прикаспийской глуши, но то, что Йохан Шерншанц, подобно Вилиму Геннину, старался противостоять коррупционным соблазнам, можно утверждать с уверенностью. Как с недоумением писал привыкший к шведским порядкам бывший комендант о местных нравах, «когда обыватель приходит к своему командиру, то всегда что-нибудь с собой принесет, например, барана, вола, курицу, масла, яиц... Когда же такие презенты от них и принимать не хотел... тогда оные были печальны... якобы я к ним немилостив»¹¹¹².

Очень похоже на реакцию Вилима Ивановича в 1731 году на присланных с Ягошихинского завода двух буланых коней. Как отписал тогда В. И. Геннин управителю завода, «оных не принял, но паки послал... возвратно на Ягушиху. И мне как за денги, так и безденежно не надобны, и таких мирских подарков не желаю и принять не хочу»¹¹¹³. Можно предположить, что одной из мотиваций Петра I в привлечении иностранных специалистов (хотя, конечно, и дополнительной) была органическая несклонность большинства этих людей к поборам с населения.

Что бы там ни было, Вилиму Ивановичу и Йохану Шерншанцу не довелось уже более свидеться даже мимоходом, в коридорах Военной коллегии. Не выдержав тяжких условий службы в Прикаспии, 58-летний генерал-майор Й. Шерншанц скончался 18 июня 1728 года в Джильской крепости¹¹¹⁴ неподалеку от Астары.

* Ныне административный центр шахрестана (области) Исламской Республики Иран.

А работа Вилима Ивановича продолжалась своим чередом, принося новые высочайшие милости: 6 июля 1731 года он был возведен в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{1115*}. Проведя на Урале 12 лет, в декабре 1734 года он навсегда покинул Екатеринбург¹¹¹⁶, превращенный им к тому времени фактически в горнозаводскую столицу империи. По возвращении в столицу был в апреле 1735 года назначен руководителем Канцелярии Главной артиллерии и управляющим Сестрорецким оружейным заводом. Подготовил обширное «Описание уральских и сибирских заводов», рукопись которого в марте 1735 года поднес императрице Анне Иоанновне. Этот выдающийся труд Вилима Геннина был опубликован лишь два столетия спустя¹¹¹⁷.

На смену В. И. Геннину заведовать горными заводами в Сибирской и Казанской губерниях в марте 1734 года был направлен его бывший подследственный Василий Татищев. Передача дел от Вилима Ивановича Василию Никитичу началась в сентябре.

Специфичность ситуации с Василием Татищевым заключалась в том, что новое назначение на Урал являлось для него своего рода ссылкой. Дело в том, что в 1733 году следственная комиссия сенатора М. Г. Головкина изобличила его в получении взяток в особо крупном размере в бытность главой московской Монетной конторы¹¹¹⁸. Впрочем, прибыв в Екатеринбург и забыв о собственных недавних грехах (равно как и о том, что он был десятилетием раньше оправдан Вышним судом главным образом благодаря беспристрастному следствию Вилима Ивановича), В. Н. Татищев затеял в отношении предшественника собственное расследование. Поводом для этого явилась информация, полученная им, внезапно превратившимся в рьяного борца с коррупцией, от некоего купца Осенева.

В марте 1735 года Василий Татищев известил кабинет-министров А. И. Остермана и князя А. М. Черкасского касательно утверждений Осенева о том, что Вилим Геннин, «приехав последний раз с Москвы, объявил-де мне, что он весьма разорился и якобы ему 10 000 убытка стало, и посылал де меня к Демидова приказчикам говорить, чтоб за показанные его благодеяния тот его убыток наградили», в

* После награждения орденом В. И. Геннин добавил к своей фамилии французскую дворянскую частицу «де» и стал подписываться либо «де Геннин», либо по-немецки «G. W. de Hennin».

связи с чем «приказчик Демидова Степан Егоров ему, генерал-поручику, то число денег привез и отдал»¹¹¹⁹.

Из ответного письма Андрея Остермана В. Н. Татищеву известно, что указанная информация была доложена императрице Анне Иоанновне, которая распорядилась провести негласное расследование выдвинутых против В. И. Геннина обвинений. Степан Егоров, приказчик Акинфия Демидова, будучи доставлен в Санкт-Петербург, показал, что в 1729 году Вилим Геннин якобы в самом деле обращался к нему с просьбой о помощи в связи с утратой им в европейском банке 10 тысяч рублей¹¹²⁰ и что по поручению Акинфия Демидова он выдал Геннину 4000 рублей. Так через 13 лет следствие вновь свело Вилима Геннина и Василия Татищева, поменяв на этот раз их процессуальное положение местами.

Однако, несмотря на негласный характер расследования, Вилим Иванович узнал о нем, после чего обратился к А. И. Остерману с заявлением о своей невинности и требованием провести очную ставку со Степаном Егоровым. Судя по тому, что положение В. И. Геннина в дальнейшем никак не поколебалось, а С. Егоров был по распоряжению Кабинета министров от 16 декабря 1735 года отправлен обратно на Урал¹¹²¹, его показания против Вилима Геннина были сочтены неосновательными. Затеянная неблагодарным взяточником Василием Татищевым клеветническая интрига провалилась.

Впрочем, по-своему В. Н. Татищев сумел-таки отомстить Вилиму Ивановичу, правда, посмертно. В своем незавершенном «Лексиконе российском географическом, политическом и гражданском» (впервые опубликованном в 1793 году) Василий Татищев, уделив немало статей уральской тематике, умудрился ни разу (!) не упомянуть имени В. И. Геннина. Что же касается Екатеринбурга, то о его основании просвещенный Василий Никитич без всякого стеснения написал: «Зачат капитаном Татищевым в 1721 году строить железной завод, и зделан город немалой...»¹¹²²

О последних полутора десятилетиях службы Вилима Геннина, прошедших вновь в артиллерийском ведомстве, на сегодня известно, как ни удивительно, еще менее, чем о начале его карьеры в России. Остается надеяться, что эта страница его жизни еще привлечет внимание ученых авторов.

Отдав службе новой Родине 52 года жизни, Вилим Иванович Геннин скончался 12 апреля 1750 года. За сорок с

небольшим дней до ухода из жизни он составил пространное завещание, распорядившись похоронить его в Санкт-Петербурге «у Самсония»* возле своей второй жены, указав погребение «произвести самым тихим образом... не палить ни из пушек, ни из ружей»¹¹²³, что и было исполнено.

Могила В. И. Геннина не сохранилась. На месте кладбища, где он упокоился, в 1927—1928 годах был разбит сад имени Карла Маркса, переименованный в 1991 году в Сампсониевский сад.

Название города, о капитуляции которого в далеком 1710 году с комендантом Йоханом Шерншанцем вел переговоры «артиллерной маеор Геник», сегодня не отыскать на географической карте. И вовсе не потому, что от него (как от Ниеншанца) не осталось камня на камне. Просто в XX веке городу оказалось суждено пять раз менять название.

В декабре 1917 года, когда Кексгольм вошел в состав обретшей независимость Финляндии, он превратился в Кякисалми (Käkisalmi). После окончания «зимней войны» 1939—1940 годов, когда Карельский перешеек отошел к СССР, город вновь стал Кексгольмом (отчего ему не вернули тогда исконное древнерусское название Корела, остается только гадать). В 1941—1944 годах, в период финской оккупации, он снова стал называться Кякисалми. После освобождения советскими войсками — вновь Кексгольмом, превратившись заодно в районный центр Ленинградской области. Наконец, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 октября 1948 года (не публиковавшимся в печати) город Кексгольм был переименован в Приозерск, а Кексгольмский район — в Приозерский.

Но как бы ни именовался этот город, камни старой крепости хранят память о том, как здесь воевал за Россию Вилим Иванович Геннин.

* Первое кладбище Санкт-Петербурга у церкви Святого Самсония (Сампсония), поставленной в 1710 году (в 1738 году возведено новое каменное здание Сампсониевской церкви), на котором были как православные, так и иноверческие («немецкие») захоронения. На этом кладбище, расположенном на Выборгской стороне Санкт-Петербурга, хоронили умерших в 1710—1750-х годах.